

18+

ЛЕОНИД МИТИН

Живее живых История Эшлера

РОМАН В ДВУХ ЧАСТЯХ

Леонид Митин

**Живее живых. История
Эшлера. Роман в двух частях**

«Издательские решения»

Митин Л. И.

Живее живых. История Эшлера. Роман в двух частях /
Л. И. Митин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506715-9

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Жизнь — это не наука. Ее невозможно познать
или принять в себя полностью, без остатка. «Весь мир театр, а люди
в нем — актеры!» Меняй роли, данные тебе самим собой или Богом,
но не смей становиться режиссером. У каждого народа своя душа, но
количество тел всегда превышает количество душ, а это пища для всякого
«государственного мужа», являющегося в мир одной из голов гидры под
названием «государство». В эти непонятные времена волею рока выпало жить
сыну отставного солдата Фридриху Краузе.

ISBN 978-5-00-506715-9

© Митин Л. И.
© Издательские решения

Содержание

Живее живых	6
Круг первый. Капитан Пфенниг	8
Круг второй. Сломанные часы	16
Круг третий. Кровь – это жизнь	23
Эпилог. Соблазн	36
История Эшлера	44
Часть первая. Проклятые древности	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Живее живых. История Эшлера

Роман в двух частях

Леонид Игоревич Митин

Иллюстратор Елена Александровна Митина

© Леонид Игоревич Митин, 2019

© Елена Александровна Митина, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-6715-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Живее живых

А если стал порочен целый свет,
То был тому единственной причиной
Сам человек: лишь он – источник бед,
Своих скорбей создатель он единый.
Данте Алигьери «Божественная комедия»

Пролог

«Исполнение долга с перекрытым кислородом, работа ради подачи, вечное нытье на скудность этой подачи, подавленные обиды и гнев, ради воздаяния после смерти – все это называется у них жизнью? Воистину, подлинное зло – это люди и истребить это зло не представляется нужным, ведь весь остальной мир равнодушен к этим ожиревшим эгоистам (к слову, как их эталон Яхве). Эти черви (да простят мне такое сравнение) не могут вытерпеть, что их по-настоящему втаптывают в грязь, в землю, в могилу, чтобы оттяпать себе метры имущества, которые станут им склепом их тщеславия при жизни. Им нравится топтать и унижать, сплетничать и низменно пошлить. Нет в мире существа более склонного к подлости во имя ближнего своего, как человек. Ни одно животное, даже микроб не натворит за свою жизнь подлостей ради наживы или собственного эгоизма. Тем не менее, почтенный друг, я хочу отметить философов и поэтов – им простительны некоторые погрешности характера, ведь тяжело контролировать тело, истощив свой дух во имя муз. Я думаю закончить небольшое послание, прости, у меня много дел. Но я думаю навестить тебя в день Самайна. Искренне твой друг, Люцифер».

– И они полагают, что у них есть монополия на жизнь! Нет, мы тоже живые, ведь не мог же милый моему иссохшему сердцу Картезий ошибаться. Мы мыслим, а значит, мы существуем, и существуем в том же самом мире, что и эти сумасшедшие.

– Весь мир – это госпиталь для неизлечимых – задумчиво сказал иссохший, прогнивший до костей, среднего роста труп человека, вся поза которого напоминала съездившегося дикобраза с ядовитой ухмылкой, знавшего больше, чем говорит.

– Что ответить Люциферу?

– Ты собираешься отвечать Ему? Пусть это делает градоначальник – Умертвия или сам герр Рейтер.

– Нет, это само собой, они ему ответят, но я и от себя должен держать ответ, ведь и у меня письмо.

– Вот, вроде вы предатели, а честности больше, чем в парламенте. Отвечай, если хочешь, а я пойду почитаю метафизику половой любви. Прощай.

– Не забудь, мне нужны твои рассуждения о четвероюм корне достаточного основания. Всего доброго – с усмешкой произнес Эшлер.

«Ад – это другие» – этот девиз появился позднее путешествия мессере Алигьери, поэтому он о нем не упомянул. Девиз пришелся Люциферу по вкусу, когда к нам спустился мсье Сартр. Теперь ни надежды, ни ближнего во всем изобилии тварей и существ, которыми наполнился Ад благодаря мечтателям и этому иссохшему вредине – дикобразу – поклоннику Упанишад, провозгласившему новаторство Платона и Картезия в принцип своей мудрости, достигает своего апогея гибкости, индивидуализированности и невероятно изощренного садомазохизма. В такой Ад попадают все, ведь все – это другие, и это Эшлер понимал лучше всех.

Эшлер жил в Аду с начала времен. Его не изгнали, он не участвовал в войнах, описанных господином Мильтоном. Он потребовал права быть несчастным, потребовал мятежной бури, жаркого пламени и ледяного одиночества. Он потребовал бесконечной человеческой жизни, вечного страдания, бесцельного становления, кристаллизованной экзистенции.

Бог ему не отказал, подумаешь, перевод одного архивариуса дела не испортит. Эшлер ушел, и Люцифер принял его на должность демона – мастера пыточного ремесла – философа. Эшлер начал пытать. Сначала самого себя, потом себя в других, потом других в себе, а потом других. Когда других не стало, Эшлер просто пытал, но технически он ничего не делал. Он придумал новую методику пытки – психоанализ и скептицизм. Выходило на деле, что жертвы мучили самих себя тем, что стремились жить. В общем, изощрения мастеров словесности софистов, спаянные с туманностями схоластов, отшлифованные чувством юмора, дают прекрасный результат. Эшлер даже награждался лучшим садистом вечности.

Со временем у Эшлера появились ученики, да и само устройство Ада настолько усовершенствовалось, что времени свободного для блаженной жизни было хоть отбавляй. Эшлер любил иногда прогуливаться по разным местам, где ад раскрывался во всем своем великолепии, а по насыщению, можно было отправиться к себе, раскурить табачок с приятелем, оценить прекрасный скотч и смотреть как пылает адское пламя в печи, где вместо дров – грешники – нацисты и инквизиторы. Замечательная ирония, Бруно сгорел, а эти горят до сих пор!

Эшлер помешал грешников, чтобы пламя лучше охватывало их, прожаривало со всех сторон, и случайно наткнулся на Торквемаду. Эшлер узнал его по его невероятно большому, наполненному желчным и завистливым любопытством носу, который тот совал в каждое дело. Прискорбная работа – совать нос в чужие дела, но кто-то же должен это делать! Эшлер попросил Люцифера дать ему именно этих на дрова, аргументируя тем, что нельзя пылать, не сделавшись сначала пеплом, да и жечь эти люди любили больше всего.

Однако, пора отправляться инспектировать исполнение желаний. Эшлер накинул черный плащ поверх камзола, взял кошкодер, и отправился на прогулку.

Круг первый. Капитан Пфенниг

Утренний морской бриз – прекрасное зрелище, сравнимое только с садами Эдема, но особенный смак от этого сравнения появляется после небольшой изюминки иронии. Итак, адский утренний морской бриз – потрясающее зрелище! Величие и благородство в каждой детали, которую сможет охватить грешный взор: нежная, бело-голубоватая мантия небес, расшитая тончайшей золотой нитью, с вкраплениями различных самоцветов, величественно расстилась над вспенившимся морем. Море только пробуждалось, чувствуя мягкое тепло восходящего солнца, неторопливо волнуясь, разбивала с шумом аплодисментов и литавров волны о невысокий прибрежный утес.

Эшлер стоял у подножия утеса на берегу, где волны мягко и неторопливо омывали каменистый берег, лаская своих бессердечных друзей. Эти камни – сердца тех, кого при жизни предали, чью любовь разрушили о суетливые и подлые вещи, и рядом, вперемешку, сердца самих предателей, ибо подчас открывается при жизни печальное зрелище самоубийства любви в себе во имя добра. Души, не сумевшие совершить подвиг Данко, скитаются теперь вдоль берега свободные, упокоенные ритуалами веры, но отягченные скорбью, привязавшей их к этому месту по доброй воле. Им некуда идти, никто и нигде их не ждет, а здесь они смотрят, как соленые морские воды омывают их окаменевшие сердца. Эшлер смотрел на тени, смотрел на море, и его не покидало странное ощущение, что все эти печали и страдания на лоне безмятежного сосуществования стихий и сил невидимых природы слишком случайны и ничтожны, но при этом все на своих местах, все так, как и должно быть в Аду.

Ожидание превратилось в созерцание. Эшлер перестал ждать друзей, с которыми назначил встречу, и желание встретиться, аффект радости и предвкушения встречи постепенно сменился покоем и умиротворением. Однако, позади послышался звонкий смех, громкие голоса и шаркающие по каменистому берегу шаги. Эшлер обернулся:

– День добрый, друзья, я уже давно дожидаюсь вас. Очень рад видеть вас в прекрасном расположении духа.

– Эшлер, милорд, другого расположения в этом мире у нас и быть не может – приветствуя Эшлера, ответил Иероним – Всем сердцем жажду представить тебе своего друга – Себастьяна.

– Мое почтение и выражение искренней сердечной признательности, а также удовольствию знакомства с вами, милорд, готов выразить вам не пустышками, а клятвенным заверением в своей дружбе, ибо друг Иеронима – мой друг – Себастьян поклонился. Эшлер ответил тем же и с той же учтивостью, увенчанной блестящим чувством такта и ритуала.

– Успешно ли проходит путешествие вашего корабля? – улыбаясь спросил Эшлер.

Оба хором рассмеялись:

– Успешнее и быть не может, милорд. Почту за удовольствие показать вам все, дабы вы, увидев это грандиозное пустяковое дело, тотчас убедились в совершенном успехе нашего предприятия. Более того, милорд, сегодня мы ожидаем пополнение, а посему, пойдемте же скорее в доки – посмеиваясь, но без шутовского кривляния, сказал Себастьян. Иероним улыбнулся, но в глазах его читалась та самая печаль, пригревшая подле себя великого Соломона.

Доки являли собой зрелище английской деревни, жители которой прикинулись сумасшедшими, чтобы не платить налог на строительство и содержание дороги. Жители так перестарались, что дорога была проложена мимо деревни. Они не знали, что метафорически, эта дорога была путем их спасения. В этих же доках было море спешащих людей всех профессий и сословий. Все торопились на корабль. Однако, спешить надо медленно, о чем свидетельствовала таверна с пристроен борделя, носящим громкое название «Сом нам бул». Напротив таверны, по соседству, расположился небольшой и уютный готический костел протестантов и католиков. В тяжелые времена им пришлось соседствовать. Однако, богословские споры

так сладки, что протестанты и католики возлюбили бранить друг друга и общим решением решили жить в мире сквернословия и гармоничной ненависти. Увы, жилые дома слишком непохожи, у Эшлера разбегаются глаза от их уникального разнообразия: белые стены, пара окон на соседей, дырявая крыша и ромашки на окнах. Лишь трещины и количество соседствующих существ, вроде крыс и клопов, мешали наслаждаться добытым в праведных трудах индивидуализмом.

Друзья подошли к таверне, и их окутал тошнотворный запах сыра с плесенью, смешанный с легкой пряной гнильцой недожаренных колбасок, и стоит прибавить к этому окутывающий с особым изыском и утонченностью запах хмельного, разбавленного эля и вина. Войдя в залу, Эшлеру пришлось дышать еще и затхлым, застоявшимся дыханием местных щеголей и сорвиголов. Таверной заправляли два милых и очаровательных голубка по фамилии Тернадье, которые, как и все посетители, даже не заметили прихода трех путников. Прекрасные условия создались для Эшлера. Он сел за столик в углу, раскурив американский табак, и принялся слушать разговоры, как будто бы в театре. Его друзья сели рядом и принялись разглядывать посетителей и о чем-то перешептываться, прерываясь на смех.

– А ты слышал про нашего кузнеца? Говорят с нечистой силой знается – шепотом пожилой человек делился секретом с таким же дряхлым собеседником.

– Ну, насчет него не знаю, а вот ты – точно связался, когда к алтарю пошел – краснея и заливаясь от смеха, ответил ему собеседник.

– Иди к черту! Я тебе со всей душой, а ты мне... и вовсе не смешно, жена-то еще и тещу привела в дом – рассмеялся старик. — Давай еще по пинте, дружище! Сидим – хорошо, выпиваем – славно, песнь поем – исправно!

Себастьян подошел к мсье Тернадье и поинтересовался:

– Милейший и любезнейший слуга Диониса, дозвожь мне спросить у тебя о причудливом и загадочном названии твоего фешенебельного заведения!

– *Tres bien, mon cher ami*¹, задать столь изумительный вопрос. Это словечко подсказал мне один ученый, объяснив, что сом обязан человеку дать папскую буллу о роге изобилия! – Ехидно, с плутовским задорным лукавством потрудились, объяснить с видом филистера просвещенного, мсье Тернадье.

Себастьян не стал более соревноваться с гением Диониса, прискорбно ретировался к своим друзьям.

В этот момент в таверну вошел странно одетый джентри с большим саквояжем. Голосом своим он разорвал в клочья всю сомнамбулическую, ленивую болтовню, заставив обратить на себя внимание:

– Друзья мои, благородные соотечественники! Взываю к вашему благородным рыцарским чувствам любви и верности нашей великой Родины! Она в опасности! Наша страна может лишиться лучших из граждан, величайших героев, способных грудью и широкой бедренной... то есть, плечевой костью защитить в суровый час тяжкого испытания свою семью, церковь, Августейшего монарха и Отечество! Я говорю о вас, друзья мои! Стремглав, не зная сна и отдыха, мчался я быстрее Фаэтона или Гермеса, к вам, братья, дабы предупредить вас о болезни, мчащейся за мною по пятам неутомимой мертвецкой быстротой! Джентри взмахнул руками, и все отпрянули, словно он толкнул их каким-то волшебством черной магии. Он продолжил так: – Я несу вам исцеление из святых мест Антиохии, Утопии и Шпайера. Эти снадобья я приготовлю при вас, дабы не заподозрили меня в шарлатанстве! Я пригласил обоих священников для благословения моих снадобий и придания им вкуса вина, которым потчевал Христос святых апостолов на Тайной Вечере! Возьмемся же за дело спасения Отечества, братья, и прогоним дьявольскую скверну обратно в небытие! – Так закончил свой призыв джентри,

---

¹ Превосходно, мой дорогой друг (фр.)

и жестом дал указание трактирщику подливать в снадобья немного своего эля, чтобы легче пить горькое лекарство.

Толпа страждущих не заставила себя долго ждать. С усмешкой неверующего Фомы, с руганью и бранью, с тяжелой походкой, но истовым мужеством и отвагой столпились люди вокруг джентри, задавая ему сотни вопросов, но не забывая платить пфенниг за спасения тела передовой медициной и души – святой благодатью апостольской.

Состав снадобий был очень экзотическим: тушеный хвост мантикоры, жареный измельченный пепел дикобраза, смоченный и настоянный в смеси из болиголова, корней и лепестков мандрагоры, собранной в день шабаша у истока реки, обогрелой кровью преступника в святой праздник, лепестки роз и немного лаванды с корицей. Джентри также добавил для предупреждения чумы, проказы, порчи и сглаза действенные вещества: древесный уголь в виде порошка, древесную смолу, липовый мед и изюминку, добытую им в дальних землях Египта – песок, по которому ходил Христос.

Увы, всех спасти невозможно, ибо человек слаб и немощен для борьбы в одиночку с такой страшной напастью, поэтому он позвал с улицы своего ассистента, и приказал ему готовить братский костер. Сам же джентри, будучи человеком с манерами, стал доставать топор, пилу, кузнечный молот, кузнечные клещи и свой любимый скальпель для кровопусканий и не забыл про пиявок, о которых он узнал в университетской ложе. Пирушки в этих ложах остались его самой сладкой тайной, наградившей его ожерельем Венеры, носимой им с гордостью.

Себастьян покинул таверну, разражаясь гомерическим хохотом, а Иероним, хоть и был весел и радостно смеялся, но чувство ненужности и тщетности охватило и крепко сжало его сердце. Эшлер был весел, ему это казалось остроумной шуткой, и эта бессмысленность, отягчавшая сердце Иеронима, казалась ему самой смешной частью, формообразующей и кульминационным пиком этого веселья. Эти добрые люди на завтра проснутся как ни в чем не бывало, и продолжают торопиться на уплывающий корабль.

Друзья миновали бордель, ибо честности там всегда больше, чем в парламенте, и направились к церквушке.

Эшлер долго размышлял о том, через какую дверь войти: со стороны протестантов или католиков? В итоге, посоветовавшись, решили пойти с черного входа, точнее, как его называют сами монахи, одержимый выход или чертов путь.

Черный ход был завален ящиками с провиантом и бочками с вином. Трем людям трудно было пройти, настолько узким был проход, ведущий к алтарной части церкви. Они успели вовремя. Католики и протестанты читали проповеди о любви к ближнему, собирая пожертвования от продажи индульгенций и от продажи библии на родном языке. На все лады пасторы и священники обирали прихожан, дабы суетливые, тщеславные и порочные помыслы не отвлекали их от благодати и легкости, ниспосылаемой ими от молитв добрых дел. Вне храма Сатана сильнее и грех слаще, поэтому только в церкви прихожане могут уподобиться доброму самаритянину с чистым детским сердцем и помыслами.

Истинная проповедь исходила из уст католика, так как он читал на латыни, но понимали все протестанта, и стоило обоим закончить, как люди стали расходиться по домам, и только истово верующие шли на исповедь, донимая святых отцов и пасторов вопросами, на которые лучше всех отвечали католики, благодаря непонятной и истинной латыни. Протестантам было хуже, но они придумывали софистические хитросплетения слов и не стесняясь, высказывали их прихожанам, отчего у тех сразу кружилась голова.

После службы католики и протестанты сели за столы в обеденной зале друг напротив друга, разя гневом праведным из одного глаза и показным смирением и благочестием из другого. Смирению благодаря Всевышнего братия пережила четыре смены постных блюд. Христовой крови было выпито несколько бочонков. После вкушения плоти и крови Христовой, обе стороны стали рассуждать о благочестии прихожан и сущностях божественных чудес, вставляя язвительные комментарии в адрес догм ближнего своего.

– Разумеете, братья, эти протестанты – суть от диавола. Ведь они полагают, что человек может трудом рабочего и торговца, трудом суетных дел заслужить спасение и обрести Царствие Небесное! Рассудите, сколь нелепо это положение, ибо сказано, что блаженные верующие, но не трудящиеся. А далее, разумеет Екклесиаст, будто все есть суета и томление духа, и только Бог есть истина. Разве приумножением денег можно обрести благодать Господа?! Нет, но только одобрение Молоха или Золотого Тельца можно получить! Вот, что скрыто во чревах алчных лютеран и кальвинистов! И говорить, будто бы неразумный человек, потомок изгнанных из Рая тварей Божьих, потомок Каина способен понять слово Божие?! Вздор, ибо извратит он слово Божие устами диавольскими! Только присягнувшие Апостольской Католической церкви, крещенной самим апостолом Павлом способны толковать слово Божие простому человеку! Аминь! – выразительно произнес один из католиков.

– Эти же уста на Клермонском соборе отправили людей на убийство. Если бы люди сами читали слово Божие, имея на то право, ибо «сотворены оные по образу и подобию Его», разумели бы люди, что добр и великодушен Господь, заставший сына своего во отпущение грехов. Войны ведутся словом любви, ибо в начале оно было и было оно – любовь. Католики одними и теми же устами вкушают вино, женщин по многому числу раз, а затем играют в каштаны, находясь на папском троне! Или, братья, полагаете вы, что и апостол Павел любил играть в каштаны с ведьмами?! – гневно отвечал протестант-лютеранин.

– Еретик! Безбожник! Пустая головешка! Вот, что бывает когда деревенщинам и невеждам дают право рассуждать о слове Божиим! Клеветник, как смеешь ты оскорблять наместника Господа на земле своим языком змеиным?! Вы болтаете о любви, но все меряете деньгами, благами земными! Как можно рассуждать о Царствии Небесном, если сердце бьется от звона монет..., – закричал оппонент из католиков, но не успел, так как был перебит протестантом.

– Монет, найденных при разграблении католических орденов! И мы смеем говорить, ибо не посылали детей невинных в крестовый поход!

– Эти дети – войны войска Христова, ведомые самим архангелом-архистратигом Михаилом. Господь не забудет их жертвы, и обретут все ищущие Царствие Небесное, ибо сказано: «ищите и обрящете»! Учите заветы, клятвы, ритуалы и догматы истиной Вселенской церкви, безбожники, паршивые овцы!

– Ха, одна паршивая овца лучше чистоплотного стада! – вскричал молодой студент-протестант, – Ваши догматы неверны, ибо благодать достигается верой, которая есть определение праведности. Тот, кто не верует, не может творить добрые дела, ибо оные суть дела темные и неразумные! Вера определяет добро, а не добро определяет веру! Истинное благочестие в постижение Слова Божьего собственным разумом, творение дел благочестивых важнее покупки суетных индульгенций, и благая жизнь не в аскезе, а в благодати Божией, где все суетное есть тщета!

– Суть человека греховна от первородного греха, неуч ты, безмозглая! Читай труды Отцов церкви, а потом открывай свой рот содомский, полный мух и нечистот мерзостных, исчадие диавола! Слушай мудрость истинной церкви и ей внимай! Греховен человек по природе своей и тело его слабо и ничтожно, но дух его устремлен к спасению и Богу. Таким образом, суть человека двоякая: телесная и духовная, где первая – неразумная, вторая – разумная! Разумею и далее, если человек, как вы полагаете, может обрести спасение верой, то как же он не отступит от пути истинного? Как разумеет человек, что это путь Господа, но не диавола? Если помутится собственный разум и плоть, неумеренная во грехах, разве сможет сама обрести веру и спасение? Разве учения ученых мужей не помогают обретению веры в Господа?! Соблюдение таинств и обрядов есть суть Р {margin-bottom: 0.21cm;} тренировки души, укрепления тела в привычке, что есть вторая натура!

– Человек делами своими, чистыми помыслами творит блага больше, чем ваши помпезные пляски святого Витта! Богатства не есть зло, но есть награда Господа за труды праведные!

– Тогда мы – католики – праведнее всех! – с молниеподобным смехом произнес кардинал.

Спор то возвышался до метафизической схоластики, то опускался ниже подола протестантской этики. Лица участников багровели, вместе со словами летела в оппонентов слюна, речи становились гневливее, глаза наливались кровью и вытаращивались вперед, чтобы следить за каждым жестом оппонента. Композиция людей напоминала карикатуру на «Тайную Вечерю» Доминико Гирландайо. Это была inferнальная вечеря, где каждый стол изобилия требовал титула истинной вечери, но не было причастия, не было ничего, кроме видимости и соревнования ради лавров, и ни у кого не было нимба над головой, у всех одежды были испачканы.

Неожиданно раздалось пение органа. Эшлер быстро узнал эту песнь, и не сразу поверил, что это дыхание Господа, исполняемое изумительно только одним человеком. Никто из спорящих не услышал этой мелодии, им было все равно на Господа. Эшлер побежал к органу:

– Тебя здесь быть не должно! – отдышась, сказал Эшлер.

– О том пусть судит Господь, и я приветствую тебя, каинит иудова колена —ответила мать-настоятельница, не отрываясь от мастерства.

– Зачем ты здесь?

– Зачем все мы здесь? Затем, что так хочет Бог.

– Я всегда вижу предательство и фальшь – в этом мне равных нет. И ты, если не прекратишь упорствовать, со мной встанешь в одной фаланге!

– Мне было видение о том, что не должно молчать слово Божие, и являться должно ему через проповедь утешения, через музыку и любовь. Я здесь потому, что когда-то играла на органе, когда-то была знатной по крови, а потом стала знатной по духу, и теперь или всегда –

неважно – я творю мелодию слова Божьего, песнь ангелов. Ты сам знаешь, что я – учитель церкви, но будучи тем, чем стала – обрела Царствие Небесное.

– Да, я рад тебя видеть здесь, но не рад твоему окружению. Хильдегарда из Бингена пришла сюда просвещать этих людей?

– Я пришла молиться пальцами, я пришла ради мудрости Господа. Я пришла потому, что пришла. Имеющий уши да услышит, но это – не мое.

– Да, здесь все уже сделано, и все здесь хорошо. Прощай, учитель церкви. – Эшлер поклонился и ушел к своим друзьям, которые знали с кем он говорил. Теперь они знали все.

Устав от духоты споров, взаимных оскорблений и человеческого, даже слишком человеческого, герои вышли через парадную дверь на улицу, где стояли два монаха: один торговал индульгенциями, а другой проповедовал людям о благодати тех, кто заработал богатства честным трудом.

Жаркий полдень сдавал свои позиции золотистому, нежному закату, склонявшему солнце к отдыху, и будучи, предтечей темной и мрачной ночи, закат был терпелив. Знать свою судьбу – вершина самоуверенности, но не знать своей судьбы – залог порочности и невежества. Эшлер и его спутники хотели поскорее убраться с пыльных и шумных улиц, найти место поудобнее и понаблюдать за падением солнца.

Их желание совпало с желанием двух теней странников, сидевших на возвышенности, открывавшей прекрасный вид на бескрайнее золотисто-алое море разбросанных самоцветов и золота, сверкавших мягко и игриво на бесконечной глади моря. С этого утеса открывалось и другое зрелище: толпа страждущих попасть на последний корабль – корабль дураков, чтобы плыть в Глуплиндию, где все счастливы, где поются оды и похвалы глупости, где мир не жалуется на войну, где пасутся золотые ослы и Тримальхион устраивает роскошные пиры.

Герои подошли поближе и увидели двух монахов, сидящих на траве. Они о чем-то спокойно беседовали тихими и приятными голосами, иногда негромко смеясь. В их глазах читалась святость и горечь Соломоновой мудрости, но они уж точно не были несчастными.

– Мейстер Экхарт, мессере Нери, я рад вас видеть и горячо приветствую вас под этим уходящим солнцем. Познакомьтесь с моими друзьями – мессере Босх и герр Брант – вежливо приветствовал старых знакомых, к которым он испытывал глубокое уважение и почтение, подобное братственному, Эшлер.

– Добрый вечер, друзья, присядьте рядом с нами, полюбуемся закатом. Забудьте о корабле, ибо капитана там выбирают голосованием, а матросов – по кумовству, – спокойно ответил мессере Нери, всматриваясь в золотистые лучи уходящего солнца.

– Не стоит осуждать их, брат Нери, прости им Господь, ибо не ведают что творят, – задумчиво сказал Экхарт. – Они живут самой страшной жизнью – вечной и без Бога. Лучше жить в аду с Богом, чем в царствии небесном без Него. Посмотрите, сейчас вырастет лунное дерево. Его всегда узнают по плодам его. Затем все станет правильно.

Солнце ушло за горизонт, забрав с собой нежный золотисто-алый шелк, расшитый жемчугом небес. Наступила тьма, обнажив, блестящие звезды, по которым элины искали путь домой, а философы – к мудрости. Геката царствует в этих владениях, ибо тьма – сильнейшая стихия, ведь в ней вещь сливается с тенью. Дочь ее, Селена, начинает свой колдовской обряд. Загорелась луна едва видимым синим пламенем, испуская ртутные лучи, смешанные со светом звезд в серебро, падали, подобно каплям дождя на землю. Падали бесшумно, словно влияясь в природу вещей, отравляя все светлое, жаждущее жизни ради торжества мрака, покоя и тишины.

Из земли, пронзив корабль в центре, выросло ветвистое мертвое дерево. Кора прогнила насквозь, покрылась мертвыми грибами, поросла истлевающим мхом, напоминая своим видом одряхлевшего старика, ветви сухие и крючковатые, безобразные, как у страшных ведьм из детских сказок. Дерево росло, тянулось к свету, впиваясь корнями в землю все глубже и глубже.

В кроне дерева лежал череп Адама Кадмона, озирающего свои владения пылающе – красным взором, исполненным злобы, алчности, зависти, сластолюбия. Венец творения венчавший его – сгусток тьмы из душ, не пожелавших выйти из пещеры Платона. Души вопили, рычали, бранили все, что попадало им на глаза, но чаще всего они со скрежетом и злобой повторяли одно слово: «ignogantia²», издавая при этом громкий свист и хлопая в ладоши.

Началась жатва. Люди продолжали гулять и веселиться, но дерево стало давать свои плоды. На ветки слетались вороны и стервятники, любящие делить наследство и пировать за вечный покой своих отцов. Магическим образом на деревьях стали вырастать сочные плоды – черепа, а сами ветки обрастали изможденной болезнями и заботами плотью, на которую с величайшей охотой бросались падальщики. Корона Адама увеличилась в размерах от стекавшихся новых душ, усиливая громогласную брань, стоны и жалобы, разносившихся по всему миру.

Отважный капитан не отпускал штурвал корабля, предпочитая скорее погибнуть, чем бросить команду и экипаж на произвол страшной бури, до которой никому нет дела. Капитан был слеп, как Фемиды, но держался на своих призрачных ногах, сотканных из кровавого полотна, весьма твердо и неуступчиво, как могучая крепость Бастилия. В строгом, сером от пыли сюртуке, в изорванной блестящей треуголке с позолоченной кокардой, капитан вдохновлял громкими речами свою команду, уверяя, что все будет прекрасно и они плывут верным курсом. Затем капитан отдал приказ всем стать счастливыми. Под шум песен и речевок команда отправилась исполнять приказ капитана, сражаясь за то, что у каждого – свое – за счастье.

Наблюдая за кошачьей свалкой команды, за вакханалией и сомнамбулической тоской экипажа, которая веселится ради забвения, капитан улыбался и радовался. Заметив, на вершине Эшлера, он приветствовал его снятием треуголки и громким криком:

– Все готово, милорд! Завтра повторится все, как встарь!

Эшлер ответил ему поклоном, а затем повернулся к Луне и своим собеседникам, собиравшимся уходить. Мейстер Экхарт и мессере Нери отправились отдыхать, ибо сон одолевал их тела, хотя дух протестовал. Герр Брант и господин Босх ушли равнодушными; такое зрелище они видят каждый день. Меняются только костюмы и лица, а души уже сочтены. Эшлер остался один.

Самое страшное, когда вглядываешься в море, в пучину черной воды, где плавают люди, зовущие друг друга, кричащие, молящие о помощи, об убийстве – спасительном прекращении муки – одиночества. Эшлер вглядывался в их лица, где читалась их судьба, слепленная из пороков, так как ни на что иное они не способны. Этот живой мусор был выброшен экипажем ради скорости, ради быстроты, ради собственной желанной свободы. Они выкидывали всех без разбора – детей, женщин, стариков, инвалидов, священников, торговцев, сумасшедших, ученых — ради того, чтобы заполучить милость и награду капитана, обещавшего им бессмертие и всепрощение, называемые ныне – успех или самореализация – на деле, кормление вод Леты и обитающих там демонов собственными собратьями-людьми. Эшлер знал, что хуже всего на свете. Он знал самый страшный грех. Он помнил свое самое гнусное преступление, за которое он и попал на службу к Люциферу.

Уснувший в темноте под бой часов,
Ушедший за порог без слов!
Скажи сейчас же, отчего нет стука
В сердце? Ужель тебя убила скука?

---

² Невежество (лат.)

«Как дети весел был, мечтал и дрался
Каждый новый день – веселья карнавал,
Где я, взрослея, Амора наслаждения познал,
Но за любовью так и не угнался.

Суставы вывихнул мне мир жестокий
Тяжелую сталью сдавили мне грудь,
И Бог изгоев – сереброокий,
По венам пустил мне бездушную ртуть».

Я за друзьями гнался, истратив свои соки,
Лишь ныне понял я, что все мы – одиноки.

Круг второй. Сломанные часы

– А вот и наш предатель, как дела у Пфеннига? – с ядовитой ухмылкой спросил Артур.

– Герр Шопенгауэр, я хоть и являюсь вашим почитателем, однако, полагаю вам незачем так язвить человеку, который не имеет отношения к вашим любовным неудачам с матерью, – ответил пожилой мужчина, с трудом произносящий слова из-за челюстного протеза, раскуривая при этом сигару.

– Вот, так мне и платят редкие и благодарные ученики – запоминают все, что я говорю. Открытия этого ученого никогда не будет полностью понято, а почему? Да потому, что принцип удовольствия влечет к себе наши желания, то есть Волю в объективации. Так, как ваши дела, предатель?

– Вы и сами все прекрасно знаете, Артур. Все повторяется вновь и вновь, как в стихах русского классика, – с легкой горечью ответил Эшлер.

– Неужели вам больше не доставляет радости наблюдать за страданиями этих ошибок природы, жертв полового инстинкта? – спросил Шопенгауэр.

– Одну и ту же вещь можно рассматривать с разных точек зрения. Все самое главное я могу найти в себе, так к чему мне волноваться из-за этих ничтожеств? – с презрением в глазах, оживленных воспоминаниями, ответил Эшлер.

– Да, интеллектуалы всегда были лучшими пациентами. Их даже не надо анализировать, так как при овладении навыками интроспекции, при склонности ума к самоанализу, они способны сами себя подвергнуть процедуре. При этом, главное – либидо, устремленное к передачи ноши потомству, выражает фундаментальный инстинкт к смерти. Увы, мои ученики оказались неспособны принять эту истину.

– Ваши ученики – болваны. Смерть – вот ради чего стоит жить, а без нее нет никакого смысла жить, поэтому эти олухи выдумали себе заботливого боженьку, чтобы жить и тут, и там. Главное – ослабить пути воли к жизни, ограничить себя желаниями, иначе наступит духовная смерть... но кого это волнует?!

– Сыграем в шахматы, герр Шопенгауэр?

– Охотно, герр Фрейд.

– Я покину вас ненадолго. Приятной игры, – сказал Эшлер и откланялся обоим.

В черно-красном плаще с серебряным подбоем, ровной, степенной походкой в дождливый и туманный день, накрывший ненавистный и полный таинственности Альбион, Эшлер направлялся в знакомое поместье, где собрались его старые друзья. Он обещал их навестить после окончания Великой войны, но из-за множества новеньких, ему пришлось задержаться. Люди страсть как хотят умереть... они еще не поняли, что смерти нет... лучше им об этом и не знать.

Столетия не смогли разрушить это поместье, находившееся вдали от сутолоки и спешки городской жизни. Только виноград, растянувшийся вдоль стены правой части усадьбы, напоминал о тех славных временах, об историях, происходивших здесь. Конечно, истории не были бы полны и исчерпывающи, если бы не бородатый мох – дух мудрости всякого старого здания при нехватке рабочих рук. Без веселого нрава, без цветущей молодости и свежести поры Диониса, не руководимой седебородой мудростью, невозможно представить себе блаженную и размеренную жизнь. Пресытившись играми высшего общества, погонями за приключениями и фаворитами, утомленное тело во всем слушает душу, устремляясь к теплему очагу, рядом с которым язычки пламени согревают преданное сердце, верную душу той, с кем вознамерись разделить одиночество, кто окажется милее всего парламента или сената; кто будет ждать тебя, засыпая возле окна, тревожась, если опаздываешь. Ведь тот, кто любит, обязан разделить участь того, кого он любит. Торнфилд стал маленьким оплотом угасающей любви

на Земле, и поэтому всем его обитателям посчастливилось переместиться на другой берег Стикса.

С порога Эшлер почувствовал как тепло домашнего очага окутало его приятным и мягким дыханием уюта, словно все заботы остались за дверью, среди туманов и кошмаров Альбиона. Ласково и приветливо Эшлер был встречен пожилой женщиной, весьма интеллигентной, обладавшей безукоризненными манерами.

– Добро пожаловать в Торнфилд, герр Эшлер. Мы чрезмерно рады вашему визиту. Вы так давно не были у нас, и сейчас явились как раз к ужину в кругу семьи и друзей.

– Благодарю вас, дорогая миссис Фейрфакс. Целую вечность вы с вами не виделись. Что ж, давайте не будем томить почтенную публику. – Эшлер нежно обнял миссис Фейрфакс, как своего близкого родственника. Миссис Фейрфакс явно не ожидала такого порыва чувств, но была ему очень рада.

– Не волнуйтесь за это. Проходите в гостиную, – сказала миссис Фейрфакс, – Гости уже ожидают, но предупрежу вас о том, что мистер и миссис Рочестер задерживаются по причине проводов маленькой мисс.

В небольшой уютной гостиной за праздничным столом в приятной беседе проводили время два молодых джентльмена, которые не сразу обратили внимание на вошедшего гостя. Они шутили и смеялись, хотя при жизни не могли быть знакомы, даже не помышляли о такой возможности. Один из них служил журналистом, работал в Ост-Индской компании, когда Британская империя прогнала прочь Наполеона, желавшего сделать то, что сама Британия творила вот уже пару столетий – выжимала соки из своих колоний. Другой мужчина разговаривал при жизни на французском языке, служил летчиком, и был сбит одним из своих почитателей. Теперь же они, словно забыли невзгоды мира, начав жизнь заново, шутили и смеялись. Все равно они остались такими, какими были всегда: влюбленными в жизнь, в жизнь чистую, не омраченную глупостями, имеющими столь роковые последствия.

– Ну надо же, вы только поглядите, мсье Эшлер здесь! Не прошло и двух мировых! – радостно воскликнул Антуан.

– Добрый вечер, сэръ, мы как раз беседовали о рождественских историях, пересказывая друг другу небольшие рассказы. Рад вас видеть, вот только никак не привыкну ко времени здесь, ибо его нет. Занятное дело, не правда ли? – с улыбкой приветствовал Эшлера Уильям.

– Добрый вечер, друзья мои. К несчастью, мы не виделись целую вечность, и я рад, что сейчас, пусть и ненадолго, я смогу насладиться вашим обществом. И вы говорите о Рождестве, позвольте мне присоединиться? – приветствовал Эшлер своих давних друзей.

– Разумеется, друг мой, мы обсуждаем добрые дела, и мистер Теккерей считает, что человек способен на доброе дело, но оно его тяготит, а точнее – за него не надо себя винить, не надо испытывать неудобства, и прибавим к этому желание казаться лучше других, желание причинить боль своей жизни другому человеку, то мы получим большинство, если не все тщеславные стремления. Как тут не выбежать на Трафальгарскую площадь и не закричать, что есть сил: «O tempora! O mores! Vanitas vanitatum! Credo quia absurdum!»³ Затем, разразиться гомерическим смехом, встать с колен, поправить сюртук и пойти взять займ на кисет табака и бутылку кларета. Я же, в свою очередь, полагаю, что зорко одно лишь сердце, которому редко удастся заглушить холодный расчет расписания, предписания, правила или закона. Мне кажется, что человек устремлен к комфорту, а добро и зло он воспринимает уже не как противоположности, но сквозь призму комфорта, как золотой середины он считает и добро и зло одинаково вредными, бесполезными, и даже относительными, ведь неважно на какой именно стороне луны находится добро или зло, если важно, что сама луна – это зло. Злом также, человек полагает все, что невозможно посчитать, поэтому он и решается оставить слова «любовь», «честь», «вер-

---

³ О времена! О нравы! Все есть суета сует! Верую, ибо абсурдно (лат.)

ность», но пусть они будут лишены своего смысла и спрятаны за стекло витрины – кто хочет – пусть покупает, ведь теперь все можно посчитать, обо всем можно отчитаться, ведь все самое страшное мы тоже рассчитали, и выдаем порциями.

– С вашего позволения я выскажу свои соображения. Я полагаю, что человек – это существо испорченное цивилизацией, создавшее себе двуличие, обращенные к единственно верной сути человека – к бессмертию. Однако, примечательно то, что человек стремится к бессмертию благодаря лучшему стимулу народов – страх и страсть. Люди обожают тех, кого боятся, кто возбуждает в их душе определенные струны, играя на них без всякого позволения, без всякого разрешения, с силой отбирая это право. Картина становится тем изящнее от моментов, когда люди начинают ненавидеть своих лидеров, вождей и авторитетов. Первыми из которых, выступают родители. Именно их игра на струнах неокрепшей души задает последующий тон, и тон этот всегда двойственный, всегда оставляющий шрамы, и никогда он не разрешится в нечто благое. Почему он этого не сделает? Все очень просто: добро, зло, благо, вред – это лишь две части великого мироздания, огромного мира сплетений нитей Фортуны, Мойр и Ариадны. Ни один из бессмертных не в силах распутать этот клубок, который сжимает и душит всех, кто в него попадает. Стремлению к наслаждению, к удовольствию, исполнено противоречий, так как всех наслаждений мира не хватит на всех, и признаемся, что часть из них существует лишь при страдании других. И, дабы не утомлять вас, я подведу свою мысль к завершению, увенчав ее терновым венцом с увядшими редкими голландскими розами, называемые мною «кровь ночи». Человек не может быть счастлив, если он никогда не убивал в себе часовщика, если никогда не вступал на тропу Эдипа. В общем, человек не должен быть. Человечество – пустое слово, и сердце приводит нас лишь к тому, о чем можно сказать.

– Полагаете, что человек лишен стремлений? Ему неведомо счастье и радость? – мягким голосом с сильной интонацией, уверяющей в справедливости сказанного, спросила хозяйка вечера, войдя в залу. Гости горячо приветствовали кроткую и добрую миссис Рочестер. Редкая возможность встречи усиливает радостное чувство от самой встречи. Здесь нет усталости, нет забот, нет суеты, которые могли бы нарушить спокойствие этого дома и его обитателей. И столь жаркий спор о предмете крайне серьезном, наполнил атмосферу свежим, бодрящим притоком жизни, подлинной жизни, ощущаемой лишь особым сердцем.

– Помилуйте, леди Рочестер, человек лишенный стремлений – это живой человек, а мы касаемся несколько иной точки зрения. Человек не может лишиться стремлений, а точнее – они не выпускают его из своих лап. Замечу, мою любимую иронию: каждый создал своих чудовищ, сковал свои цепи сам, благодаря, кстати, счастью, ведь иначе, никто бы к нему не стремился, – ответил с подобающей почтительностью Эшлер.

– Тогда все мы согласимся с тем, что наивысшее счастье нам доставляет мысль и чувство, что нас где-то ждут и любят, где среди огромного равнодушного мира, есть особенный уголок, связывающийся с вами какой-либо историей, понятной лишь вам двоим.

Ответ был незамедлительно вознагражден аплодисментами и одобрительными улыбками. На этой приятной ноте была достигнута, если не истина, то гармония, связующая воедино даже самые непохожие взгляды. Таково могущество Рождества!

Серые дома, украшенные цветными вывесками, требовавшие немедленно приобрести зубную щетку, автомобиль и курсы нравственности с практическими инновационными методиками. Кстати, автор этих методик, Генрих Инститорис пользовался немалым уважением среди почтенных матрон, которые только и мечтали отдать свое чадо куда-нибудь подальше, ведь курсы нравственности очень утомляют, особенно после флирта в театре, неудачного свидания в кафе, и полным фиаско в браке. Как оказывается, мир меняется, а человек упрям: то спорит о тени осла, то при каждой глупости своей ссылается на Канта, то вытворит что-нибудь эдакое, например, создаст партию или сообщество, которое будет поносить все другие сообщества за деньги. В целом, город жил своей обычной жизнью: мужья изменяли женам, пока те посе-

щали курсы благочестия или «как стать лучшей мамой», на которых они флиртовали с чужими мужьями. Иные просто напивались алкоголем или задыхались от опиума под громкие крики осуждения со стороны любителей спорта, а ведь раньше они дружили, и после занятий физкультурой шли в трактир обсудить проблемы политики и правоту Маркса или Кейнса. Были и любители искусства, которым было тесно в этом мире, и потому они спешили в иной, но, к несчастью, в ином мире выставками не интересуются, равно как и модерном. Город кипел жизнью, пестрил идеями, расцветал в свободе мысли и слова, но главное – все были счастливы, всем находилось место под неоновым солнцем и синтетическими кабелями.

На перекрестке рядом с зданием городской администрации, кафедральным собором и кварталом красных фонарей Эшлер ждал городского управителя, своего старого знакомого. Все дороги приводили к центральной площади. Здесь собирались горожане после работы, после лекций или уроков, встречаясь с друзьями, ради досуга. С одной стороны, священники раздавали листовки, как раньше раздавали индульгенции, о спасении души, и фанатики через громкоговоритель проповедовали скорый конец света, осуждая всех, кто не в их пастве. Устав от проповедей, закончив рабочий день, служители снимут свои рясы, и каждый направится в бирхаус с друзьями или в сторону квартала красных фонарей. Горожане привыкли к этому и не осуждают человека за то, что он просто хочет повеселиться и отдохнуть от рутины.

С другой стороны юноши и девушки устраивали бесплатное огненное шоу или играли песни любимых исполнителей. Никто никому не мешал, и каждый отдыхал как ему нравилось. Сложнее было тем, кто не умел радоваться жизни, тем, кто любил власть и слишком сильно вжился в роль члена общества. Они-то и пополняли ряды фанатиков всех областей, чем вносили беспорядок. Жизнь непростая штука, и надо быть канатоходцем, чтобы пройти ее достойно и без сожалений.

Теплые огни фонарей освещали город, который теперь обходится без солнца. Спала жара и воздух наполнился летней прохладой, освежающей утомленных от жары людей. Желанная тень, желанный уют, желанный вечер! Среди толпы Эшлер увидел молодого человека в черной одежде. На лице он носил респиратор, а глаза – черная бездна с темной кровавой лентой в центре. Юноша приближался к Эшлеру, и каждый его шаг запечатлен мощной подошвой, которую носили все, кто хотел быть самим собой. Эшлер учтиво поклонился Юноше. Юноша, приблизившись, ответил ему крепким рукопожатием:

– Ловишь день, братец? – спросил Эшлер

– Разумеется, надо помнить о смерти, иначе в чем смысл жить! Здравствуй, пришел проведать как идут дела?

– Да.

– Пойдем, у меня намечается встреча, на которой и тебе будет интересно поприблизиться. Лучшее время и место ты выбрал, чтобы увидеть что к чему. Уверю тебя, все у нас прекрасно.

Заседание администрации города происходило, по старой традиции, на кладбище. Все собралось к полуночи у склепа, где покоились представители династии основателей города. Их было немного, но все они занимались оккультными науками и магией. Склеп же представлял собой композицию из небольшого розария голландских черных и алых роз, растущих вдоль тропинок, усыпанных сухими ветками и опавшими листьями, создающими оккультный символ власти принцев Ада. Сам склеп представлял собой массивное сооружение со скатной черепичной крышей, на которой покоилась крылатая тварь – горгулья, охраняющая вход от посторонних. Над входом построено череповидное окно, глаза которого оформлены красной стеклянной мозаикой, а по бокам мирно дремали барельефные летучие мыши. Рядом с дверными створками стояли колонны, увенчанные черепами с воронами, равнодушно смотревшими вперед черными глазами.

Управитель города приказал привести жертву. Молодой юноша, истощенный пытками и голодом, уже не оказывал никакого сопротивления, покорно ступая по воле судьбы сильных мира сего.

– Граф Мильтон, мы договаривались о прекращении пыток – спокойно произнес Эшлер, однако, зрелище пыток всегда оставляло в его душе необычное чувство, что доказывалось помрачением его взора. При виде пыток, смертей, убийств там, где не нужны глаза, чтобы видеть, они чернели изнутри, будто отмирая, в нежелании смотреть на свет.

– Это не пытки, милорд, это – еще не пытки. Эти шрамы и увечья – его страсти. Все, чего он желал, оборачивалось для него кошмаром, и все потому, что творилось его близкими: родственниками, супругами, друзьями во имя добра, ради его же блага. Ведь каждый лучше всего знает как выжить, не имея смысла жить, и каждый чтит священным долгом передать свое знание другому, что, почему-то, приводит к непредсказуемым последствиям. Мои любимые события, например, самоубийства – радикально – раз и готово. Вся сокровищница советов и правил вместе со всеми методами пыток, начиная от психологических, заканчивая, физическими издевательствами – все пропадает понапрасну. Не оценило потомство мудрости предков. Вот и этот юноша, тоже не оценил, и его... изувечили, изуродовали, но он живет. Его-то жизнь нам и нужна. Кровь – это жизнь. – С блестящей актерской игрой, выдававшей все его маниакальные черты неординарного гуманиста и циника, а также изумительно выразительной плавной речью слуги и друга, ответил Мильтон, обожавший свою работу.

– Ты придумал новый способ времяпрепровождения, граф? Расскажи мне, я хочу оценить твоё новаторство.

– Друг мой, изгнанник, предатель и изгой, сошедший с полотен Дюрера под литания Бодлера, зачем же слушать, если можно чувствовать и видеть? Зачем же слышать басни о наслаждении, если можно наслаждаться? Ты сам все увидишь сию же минуту – игриво, нараспев, говорил Мильтон, и в этот момент юноше перерезали вены на обеих руках.

Жизнь медленными струйками покидала его. Порезы были сделаны весьма искусно таким образом, чтобы юноша чувствовал как жизнь покидает его капля за каплей, как постепенно его тело, устав бороться, поддается уже желанной неге и ослабевает, будто засыпает навеки.

– Итак, что же самое страшное? – спросил Мильтон — Секреты, черт меня возьми! Ничто так не пробирает до мурашек, до паники и безумия, как секреты, особенно раскрытые. Вот почему, господа любезные, люди хоронят своих близких где подальше? Ходят к ним по праздникам? Никому не приходит в голову назначить свидание на могиле любимого дядюшки, хотя, это было бы забавно. Люди прекрасно знают, друзья мои, что мертвые хранят секреты и знают все: кто обманывал, кто изменял, кто убивал, кто грабил и сколько, кто извел родственников ради наследства, и главное – кто лгал, сколько и кому! Все эти секреты должны замуровываться в склепах, заколачиваться вместе с покойником, исчезнуть с лица истории в заброшенных домах, руинах, покоиться в старых храмах! Вот где им место! А теперь, когда юноша сполна заплатил все долги перед миром (не волнуйтесь, он воскреснет в той же должности), мы можем устроить трогательное воссоединение родных и близких.

После этих слов, Мильтон умылся кровью юноши и что-то прошептал. Кровь тонкими ручейками растекалась по земле, которая жадно поглощала ее. Затем из могил поднялись мертвые горожане, и постепенно приобретали вид обычных людей, как будто они и не умирали. Проклиная свое воскрешение, радуясь новой жизни, толпа двинулась в город, где сразу пополнила ряды жителей: фанатиков, моралистов, развратников, лгунов, игроков, изменников, поэтов, художников, мыслителей, рабочих. Веками накопленные обиды, предрассудки, глупости, обманы, интриги накопились в этом городе до таких пределов, что жить стало невыносимо. Именно поэтому, горожане и не живут. Они только существуют в других – ради их же блага!

Эшлер прогуливался по парку, разбитому по эклектичному эскизу, смешивая геометрическую точность Версальского парка и творчества Джексона Поллока. Все пересечения пешеходных аллей, образующих символ октаграммы, отмечены статуями работы самого Ханса Гигера. В этом же стиле созданы и биомеханические столбы фонарей, скамейки и ограждения. В центре парка находилась уменьшенная копия старой чешской Костницы – памятник гнева Смерти. Это только одна часть парка, другая его часть оформлена в классическом стиле эдвардианской эпохи. Между этими зонами протекала река, закованная мостами, соединяющими эстетику строгого стиля рационализма и безумия постмодерна. Мильтон обожал эту игру двух ипостасей личности, а мосты называл не иначе, как «Эго».

Мягкий свет фонарей и серебристая вуаль, окутавшая парковые статуи, наполняла все тишиной, забвением и спокойствием. Время остановилось. Мир замолчал. Распри закончились. Здесь остались только немногие жители, которые лучше всего понимали друг друга именно в молчании. Ведь есть вещи, о которых нельзя сказать словами. Эшлер знал это лучше, чем кто-либо.

– О муки! О любовь! О искушенья! Я головы пред вами не склонил, Но есть соблазн – соблазн уединенья, Его никто еще не победил. – Нежным тихим голосом нарушила тишину юная девушка, читая четверостишие по памяти. Рядом с ней уютно расположился и дремал, сладко мурлыча, черный кот.

– С людьми... Их не спасешь, себя погубишь. – Тихим и немного печальным голосом, возвращаясь в этот мир из своих раздумий, сказал Эшлер – Добрый вечер, давно мы не виделись – обратился Эшлер к девушке.

– С тех самых пор, когда тебя заклеямили предателем... интересное было время. Мне только интересно: как ты мог так поступить?

– Я бы сделал это еще раз. Ты сама все знаешь, зачем спрашиваешь?

– Хочу понять, насколько тебе болезненно вспоминать о поступке, который ты совершил. Знаешь, я ведь также поступила. В конце концов, не я тебя заклеимила предателем, соратник, – улыбнувшись, ответила девушка. – Зачем ты здесь? Хочешь посмотреть, как отрывается Мильтон?

– Да. Он преуспел. Отлично понял, как заставить людей страдать.

– Не ты один читаешь Сартра. Ад – это другие. Кстати, хочешь, я разбужу для тебя кота?

– Нет, спасибо.

– Знаешь, я долго думала, и никак не могу понять людей. Я стала меланхоликом от этих размышлений, а теперь еще и насмотревшись на то, во что люди сами превращают свою жизнь, я стала еще и циником. Почему люди любят издеваться друг над другом? Неужели древние заветы помогают выжить? Зачем вообще выживать, если каждый день тебе не мил, если солнце тебя не радует, если ты не понюхал цветка, не погулял по парку или набережной? Какой прок от каждого дня, наполненного сплетнями, завистью, боязнью, непониманием, злобой и гордыней?

Вот посмотреть на горожан: отцы поучают сыновей как жить правильно, как жить справедливо. Увы, эти люди не имеют ни малейшего права учить, так как просто устарели. Дети не хотят жить по их правилам, ведь они были хороши тогда, а не сейчас. Конечно, это все глупости, но сами правила нелепы – они убивают человечность. В итоге, мир гармонии и радости превращается просто в притон для неизлечимых умалишенных. Как тут не начать чувствовать абсурд, от которого просто тошнит!

– Люди видят многое: статус, богатство, одежду, вкус, взгляды и образ жизни, но они не могут увидеть душу. Поэтому, из-за этой слепоты, был совершен неточный подсчет душ.

– Как мило! Демон – знаток Апокрифа. Кстати, кота зовут Апокриф. – Выдуманная проблема отцов и детей! Нет ее! Просто слепота, глухота, немота! Только звукоподражание! – с нескрываемой злобой и гневом говорила девушка.

– Мысль изреченная есть ложь, – задумчиво ответил Эшлер.

– Ложь ведома при Истине! А они ее убили, как убивают все, чего не могут понять, что не приносит прибыли! Фанатично окутали себя сказками о благополучии, о безопасности, о счастливой жизни! Посмотри на них – черви, жалкие черви! Им бы только копошиться в своих низменных страстишках! Им бы только быть преходящими! И с этим они бросили вызов вечности! – с нарастающей яростью говорила девушка.

– Успокойся, они заслужили здесь то, чем занимались при жизни. Разве не является ли тайное желание истинным? Разве не нужно ловить день? Разве не нужно быть самим собой? Они этого не поняли. Что ж, воздастся всем по вере и по делам. И судьи – это другие.

– Ха-ха-ха ... – рассмеялась девушка. – Мильтон гений! Все-таки, людям надо понять: жизнь коротка, и тратить ее на ссоры и конфликты при полном отсутствии уверенности в завтрашнем дне – безумие! Не нужно устраивать войн, катастроф, не нужно заболеть раком или иметь мировоззрение отличное от привычного в обществе, чтобы понять – человек в других людях и есть душа человека!

На улицах города кипела ночная жизнь. Ссоры превратились в драки. Драки обратились в войны. Все, что считалось важным, все идеи любви и братства были попорчены ради непреодолимого желания доказать свою правоту. Самые серьезные люди считали своим долгом покорить, заставить жить по правилам тех, кто всего лишь хотел жить свой короткий век. Главное, что жизнь продолжалась и такой жизни не было конца с начала времен. Хуже всего то, что в темноте не видно лиц, среди криков брани не слышно мольбы, среди амбиций и гула моторов не слышно прерывистого от испуга дыхания, не слышно стука сердца. В ночном городе не видно людей, живых людей.

События в этом городе и молчание, царившее в парке, напомнили Эшлеру о причинах своего преступления. Картины того дня пробудились яркими и пестрыми перед его глазами.

Мы говорим о доблестях и славе,
О доброте, что надобно хранить,
И видим мир мы в золотой оправе,
И прошлое мечтаем схоронить.

Ведь там среди угрюмых похорон
Томится мертвых зауспокойный стон.
Печалются они и жалобно режут,
О днях, что больше не вернут.

Средь зависти, корысти и обиды
Поем любимым панихиды.
Они теперь нам жить не помешают —
Там лучше им – они там не страдают.

А мы тем временем расставим жадно сети,
Чтоб в них доверчивые попались дети.

Круг третий. Кровь – это жизнь

Очнувшись от воспоминаний, Эшлер заметил, что город погружался в сон. Хлесткие лучистые плети солнца надзирающие за всем, что происходит в мире, проникали в каждый уголок, озаряя светом праведности все тайное, сокровенное и упокоенное, заставляли жителей забыть друг о друге и начать работать. Работы было очень много, но насколько много, равно как и зачем она делается, неясно было никому, и это отлично иллюстрировали газеты и серьезные аналитические передачи в СМИ. Кошмары мира, победившего смерть теперь уже никого не волновали. Судьбы и конфликты между поколениями забылись, ибо пробудился Бог в машине, требовавший жертвы и славы. Полусонные, запутавшиеся в проблемах житейской суеты, горожане шли на работу. Они совсем не замечали, что главные городские часы были сломаны и показывали половину шестого. Среди измен, авантюры, любовной геометрии, искажений истины, изучения науки, чтения проповедей, повышения уровня мастерства, выступлений с трибуны в публичном доме или выступление среди гетер на общем собрании представителей партий, борьба с коррупцией, воровство, обман и благородство, город не замечал ничего, что выходило бы за пределы маленького эго, углубленного отражением внешней бездны.

Яркий солнечный свет обнажал тени, выводя их на свет в том порядке, в каком должно. Утреннее тепло угнетало жителей города, пытавшихся от него скрыться в кафе или спастись прохладительными напитками, не брезгуя и кондиционерами.

На Эшлера напал приступ абсурдной тошноты. Воздух показался ему отвратительным, будто он вдыхал в себя гниющую на солнце плоть. Жара стала его угнетать, иссушать его. Эшлер почувствовал невыносимую жажду и сильное головокружение. Весь мир с его темпом жизни, с его судьбами, ролями и стремлениями его жителей, с их желаниями, страстями и мнениями мощной энергетической волной ворвались в разум Эшлера с неистовой силой, творя в его разуме хаос. Осыпав горожан проклятиями и радостным смехом, Эшлер покинул их, пройдя через городские ворота с надписью, которую мог прочесть исключительно демон: «Carpe diem!»⁴. Выйдя за ворота, Эшлер обернулся, и подумал, что города – это самые прекрасные проекты Чистилищ – смесь притона, тюрьмы, сумасшедшего дома и кладбища. Что еще нужно после хорошего рабочего дня врачу, учителю, священнику, солдату и министру?!

Город остался далеко позади, окутанный смрадными туманами индустриализации, закрывшись от природы, этой своенравной матери всего живого, но безразличной ко всему, и слишком любящей, слишком капризной, слишком ненавидящей. Всю боль, всю неясность и слепоты к природе человек перенес на своих близких, закрывшись в городах.

В лесу правит жутковато-мертвенное безмолвие. Тихо везде, где нет людей, ведь животным незачем говорить, они понимают друг друга гораздо лучше, чем эта свора венценосных притворщиков и шарлатанов, напрочь лишенные всяких подлинных эмоций. Им неведома красота безмолвия, совмещенная с грязью и отвращением при виде собственной матери в момент перерождения – возвращения Персефоны. Серо-свинцовый туман расстилался среди заснувших старых деревьев, покорно скрипевших от утренней прогулки Борея. В воздухе стоял затхлый запах болота, орошенного росой мха и травы, смешанный с запахом падали, привлекающий черных аскетов-путешественников между мирами. Свет не проникал сюда полностью, освещая лишь туманную рябь. Здесь смешивались предметы и тени, казалось, что между ними нет никакого различия.

Размеренные, тихие шаги Эшлера не нарушали покой и тишину этого места. Впрочем, Эшлер и не стремился нарушить этот природный памятник декаданса, памятник воли к жизни. Настоящий эфирный спектакль танца смерти разыгрывался в этом лесу под бдительным при-

---

⁴ Лови день! (лат.)

смотром мрачных вестников скорби и забвения. Туман сгущался, и создавал блуждающие, танцующие в хороводах силуэты людей из разных эпох и разных профессий. Все они просто блуждали в такт скрипу деревьев, порыву ветра, разносившего сухую листву, потакали крикам воронов. Все они стремились в никуда, где был лишь густой туман и сильное желание сделать хоть что-нибудь ради памяти, которую природа неизбежно стирает. Танцующие не видели ничего, кроме друг друга и только это их занимало. В конечном счете, при каждом мощном порыве ветра, туман рассеивался, листья кружились в воздухе, опускались на землю с тихим шуршанием. От теней не оставалось ни следа, но вскоре все начиналось заново, и танец продолжался. Эшлер пританцовывал в стороне, изображая дирижера с дьявольской циничной, искренней улыбкой радости и счастья. Да, в такие минуты Эшлер был счастлив, и кровь его вскипала, превращаясь в чистую черную материю, пульсировавшей с неистовостью в его висках, заставляя сердце бешено колотиться. Экстаз, вдохновение и счастье испытывал Эшлер, разражаясь все более жутким злорадным смехом. В такие моменты он поистине гордился своим преступлением, и ни за что бы не изменил своего решения. Вскоре, Эшлер исчез среди туманов Майи.

Туман полностью исчез, и перед Эшлером открылась знакомая ему местность. Луна освещала густой и мрачный хвойный лес, встречающийся часто в Трансильвании. Узкие дороги, вой волков, шорохи змей в траве, заунывный треск старых деревьев от порывов ледящего душу ветра, наполняли страхом и суеверным трепетом сердце каждого, кто отважится пройти через эти места, где никто и никогда не убирает трупы отважных искателей приключений. Их скелеты теперь обречены нести здесь караульную службу и убивать своих товарищей-авантюристов. Аура ужаса, вечного мрака и легенды о тварях, обитающих здесь, создали прекрасный и почти непроницаемый барьер для любителей цивилизации.

Пройдя мимо караульных покойников, Эшлер остановился. В длинном двубортном пальто, в высоком цилиндре, в черных перчатках, держа серебряную трость с набалдашником в виде черепа, инкрустированного глазами из рубина, неподвижно стоял некто, пристально смотревший на него горящими красными глазами, из которых по щекам стекала кровь, дерзко контрастирующая с бледностью и худобой лица. Эшлер сделал несколько шагов в сторону незнакомца, не обращавшего на Эшлера никакого внимания. Эшлер, приблизившись, услышал неясный шепот незнакомца, состоящего из слов: «Мои томления помилуй, Сатана». После этих слов, незнакомец поднял глаза, и улыбнувшись, жестом пригласил Эшлера проследовать за ним.

Выйдя из леса, Эшлер остановился в любопытном изумлении. Перед ним открылась панорама еще свежей битвы. Повсюду лежали изрубленные тела воинов, и падальщики с удовольствием терзали плоть мертвых и умирающих, бессильных сопротивляться неизбежности.

– Такова Воля Божья, милорд, – произнес незнакомец. И они двинулись дальше.

Они шли по полю сражения, брезгливо перешагивая через павших. Неподдалеку стояла кафедра, на которой стоял человек в ярком мундире с лентой кавалера и эполетами, расшитыми золотой нитью, с позолоченной шпагой и подвязкой, одетый в прекрасную треуголку с креплением из китового уса, увенчанной золотой кокардой высшего офицерского чина. Человек держал в руке свиток и читал по нему хвалебные оды павшим героям.

– Если бы патриотизма не было, его стоило выдумать, – отметил спутник Эшлера. Эшлер в ответ улыбнулся и кивнул в знак согласия. Острота показалась ему замечательной – прекрасный образец парафраза Вольтера. Тело в мундире, тем временем, читало о героизме и подвигах молодых ребят, погибших на поле брани со злым и коварным врагом, который посягнул на святыни Отечества, и что их жертва никогда не останется без почтения и уважения. Тело клялось, что выжившие получают привилегии, а семьи павших – компенсационные выплаты в знак того, что их сына, отца или брата Родина не позабудет, и этот скромный дар – лишь

малая часть того, что планируется предоставить в знак глубокого почтения и уважения за то, что эти люди не побоялись и встали на защиту родной земли.

Проводник Эшлера остановился рядом с одним из павших рыцарей, и поманил к себе Эшлера. Как только он подошел, незнакомец снял верхнюю часть салада и рассмеялся, цитируя «падаль» Бодлера. Мертвым рыцарем оказалась молодая девушка со светлыми волосами, очень красивыми небесно-голубыми глазами. На вид ей было около 18—19 лет. Рядом с ней лежал в грязи ее стяг – золотые лилии на белом фоне. Остальную часть стяга разорвали в клочья голодные псы, вероятно, ради игры.

– О да, прекрасная – ты будешь остов смрадный,
Чтоб под ковром цветов, средь сумрака могил,
Среди костей найти свой жребий безотрадный,
Едва рассеется последний дым кадил.

Но ты скажи червям, когда без сожаленья,
Они тебя пожрут лобзанием своим,
Что лик моей любви, распавшейся из тленья,
Воздвигну я навек нетленным и святым! – произнес нараспев незнакомец, и наклонившись, поцеловал в лоб покойницу.

– И свет волос ее горит, как бы огонь лучей,

Сияет жизнь ее волос, но не ее очей. – равнодушно произнес Эшлер.

– Прекрасные строки, милорд, но нам пора. Не волнуйтесь, арбалетный болт убьет ее завтра еще раз. Если любопытно, бездушный болт пронзит ей грудь навывлет. Она будет умирать, парализованная страхом и шоком, захлебываясь внутренним кровотечением. Часы агонии, бессмысленной борьбы будут длиться около минуты, прежде чем она успокоится. И так вечно, но все во имя высоких идеалов, да и в конце концов – одно поколение забывает деяния другого. Придут новые люди, начнут новые войны и будут поражены еще миллионы сердец, которых до стрел и копий могла поразить любовь. А вон тот джентльмен прочтет им прекрасные оды, отпечатанные на печатном станке в типографии, сочиненные каким-нибудь клерком, который их не видел никогда. Забавно, знаете ли, милорд. Все же, не будем задерживаться, прошу вас, идемте, – артистично паясничал незнакомец, зазывая Эшлера за собой.

Как только путники пересекли поле, то обернувшись, Эшлер заметил, что все покрывается цветами и зарастает травой, обласканной лунным светом.

– Кровь – это жизнь, милорд. В этих краях вы еще не раз услышите об этом. Кровью пропитана земля, где теперь растут цветы, травы и деревья, и где лишь небольшие земляные холмики могут подсказать о произошедшем. Однако, никому это не интересно – эти мертвые должны быть далеко от живых, иначе последние заскучают, затоскуют и начнут впадать в черную меланхолию. Этого допускать нельзя ни в коем случае, иначе теряется всякий интерес к жизни и покупательская способность. Ведь правильно сказано: «пусть мертвые хоронят своих мертвецов» – учтиво пояснил незнакомец. Эшлер оценил шутку и ответил:

– «В самом деле, не пропадать же куриным котлетам де-воляй?» – как говорится в моем любимом романе.

Оба рассмеялись и продолжили путь во мраке.

Когда-то замки были оплотом рыцарства, грабежа, благородства и культа кровных уз. Теперь замок на вершине отвесного утеса потерял все: былую красоту, мощь, славу, блеск и даже имя. Никто из живых уже не помнит имени этого замка, претерпевшего несколько перестроек в угоду времени. Постепенно из могучей крепости он, под чутким руководством лучших умов Северной Европы и метко, безо всякой жалости, разящим молотом и резцом, обратился в оплот изгнания, одиночества, греха и готического мистицизма. Эшлер считал, что замок от этого только выиграл, особенно, учитывая его захватывающую историю. Замок пре-

вратился в загородную резиденцию анклава эстетов, мистиков, декадентов, гедонистов, философов, оккультистов. Именно к ним направлялся Эшлер со своим спутником.

Подойдя к мощным воротам, окованным железом, Эшлер ощутил на себе тяжелый и злобный взгляд двух Гаргулий, вылепленных в стене. Разинув свои огромные пасти, высунув языки, озирая местность хищным взором, каменные стражи охраняли покой своих господ-создателей, и готовы были сбросить свое каменное обличие по первому требованию. Жажда битвы, жажда крови и ненасытная ярость сочетались в этих чудовищах с удивительной преданностью.

Незнакомец подошел к воротам и громко произнес:

– Ибо скор у мертвых шаг. Открывайте, Каиниты!

Ворота открылись, и пройдя во внутренний двор, Эшлера окружили несколько человек в изящных сюртуках, ухоженных париках, вооруженные посеребренными скьявонами и кацбальгерами. Узнав Эшлера, ландскнехты приветствовали его почтительным поклоном, застыв на несколько секунд. К Эшлеру приблизился один из людей со словами:

– Мин херц, мы ждали вас! Счастлив приветствовать в нашем анклавe. Следуйте за мной, мой господин желает видеть вас. Он давно вас ожидает. Милорд, не сочтите за грубость, но позвольте мне представиться, – приветствовал Эшлера привратник, ожидая одобрения. Эшлер кивнул. – Мое имя Мародер, Адольф Мародер, всецело к вашим услугам, герр Эшлер. – Мародер почтительно поклонился Эшлеру и повел его в основную залу.

– Быть может, милорд желает экскурсию по замку, ибо не думаю, что господин будет возражать – игриво вмешался спутник Эшлера.

– Господин дал мне четкие указания насчет гостя. Господин предпочитает лично показать гостю свои владения – резко отозвался Мародер, сжимая рукоять своего кошкодера в руке, по привычке.

Спутник покинул Эшлера, оставив его на попечении Мародера. Мерно потрескивал лепной камин в просторной зале, где потолок украшен лепниной на тему убийства Авеля. Тонкие атласные, окровавленные полоски ткани радиально направленные от восьми углов к центру, где висела массивная чашевидная люстра в форме черепа, украшенная по четырем сторонам подсвечниками в форме серебряных летучих мышей. На стенах висели работы Дюрера «Меланхолия», «Рыцарь, Дьявол и Смерть», «Святой Иероним в келье» и пара работ художницы Виктории Франсез, вероятно кто-то долго ходатайствовал о размещении их в этой зале. Привилегированное место занимали два больших портрета – императора Максимилиана Первого и Брема Стокера.

Убранство комнаты отличалось скромностью, но с выдержанным аристократическим достоинством и вкусом, которому всякий мог позавидовать. Изящная резная мебель, массивная, но утонченная, созданная в надежде пережить тысячелетия, являясь эталоном отменного чувства стиля. У камина располагались два массивных стула времен Карла Пятого с высокими спинками, а между ними стоял невысокий круглый столик, ножки которого украшены позолоченными орнаментами львиной гривы. На столике стояли два серебряных бокала в форме костлявых рук, держащих хрустальный череп.

Поклонившись, Мародер пригласил Эшлера к камину, а сам сел рядом с молодым юношей, одетым по моде времен королевы Виктории, раскуривавшим трубку с опиумом. Мародер последовал примеру юноши, предварительно выпив абсент.

Эшлер подошел к пожилому человеку и сел рядом с ним. Они сидели молча, смотря как огонь пожирает поленья. Жестом пожилой джентльмен предложил Эшлеру вина:

– Милорд, к этому напитку приложила руку сама графиня Батори. Не откажите мне в чести, испить с вами нектар жизни, амброзию Господа нашего.

– Никогда не откажу вам, друг мой, а тем более сейчас. Ваши аргументы всегда безупречны, – ответил Эшлер.

Жестом глава замка приказал Мародеру откупорить бутылку, и наполнить бокалы спустя несколько минут.

– Я предпочитаю дать ему подышать, впитать в себя запахи жизни, некогда отнятой у ее владельца. Поистине, алхимическая смесь сейчас наполнит наши бокалы. Кровь – это жизнь.

– Приятно находиться в обществе сынов Рейха, но я здесь не ради дружеских бесед.

– Несомненно и то, что при скором шаге мертвых, спешить надлежит медленно. Я знаю, зачем ты здесь. Однако, я приверженец старых взглядов и сторонник аристократических манер, прошу тебя отдохнуть, стряхнуть с себя тяготы путешествия и позволить вечности существовать своим чередом. Ты не посещал нас несколько десятилетий. Здесь произошли небольшие изменения, и я бы хотел показать тебе свои владения. К тому же, хочу похвастать, ко мне на службу поступил автор великой «Анатомии меланхолии», и я желаю вас познакомиться.

– Почту за честь, мой друг. Твои друзья – мои друзья. Скажи, кто сидит рядом с Мародером?

– Этот молодой человек весьма интересен. Это печально известный Огаст Дарвелл. Сейчас, будучи каинитом, он пристрастился к стилю жизни меланхоликов времен Бодлера и Готье, и я забыл их название... сейчас, припомню... ах, да, конечно, декаденты. Удивительно, но у меня с ними оказалось много общего в отношении к жизни... прости... не жизни. Любовь к искусству, эстетизация смерти. Я только не принимаю опиум и абсент. Они мне кажутся вульгарными. Все же, интересное явление, когда тебе легко и приятно находиться среди людей, никогда не бывших на войне, но чувствующих жизнь почти схожим образом.

– Неужели, чтобы что-то понять, надо пережить катастрофу, смерть, болезни или иное несчастье? Увы, иногда надо, ибо люди чаще грезят, чем размышляют и это явление имеет весьма печальные последствия.

– Прости, Эшлер, но меня часто занимает вопрос: почему ты не принял Каина и Лилит? Мы же оба – предатели, изгои, изменники, но ты пошел за Люцифером. Со мной получилось весьма забавно. Я был католиком, но служил у императора Карла. То был, кажется, 1527 год. Нам перестали платить, и в итоге – мы – католики – вырезали тысячи католиков, пленили Папу в крепости, перерезав всех его гвардейцев... мда, нехорошо получилось, но мы соблюдали контракт с Императором, и совесть меня не мучает. Я с радостью пройду по Риму с кацбальгером в руке, как некогда солдаты Цезаря шли убивать богатеев-помпеянцев. История не лишена ни иронии, ни чувства юмора. – После этих слов герцог откинулся в кресле и, подняв бокал, пригубил сладкий нектар жизни, ощущая на губах ее металлический привкус.

– Дела крови к моему изгнанию отношения не имеют. Лишь отчасти, я связан кровными узами с вами, исходя из того условия, что Каин служит моему господину. Я заключил сделку с Люцифером после того, как меня пытались обратить в вашу веру.

– Хм, контракт? Интересное дело. Каковы условия?

– Об этом позволь мне умолчать. Скажу одно: предательство. Не зря меня называют предателем. Мой клинок обогрен разной кровью, слишком разной, чтобы знать понятие верности в ее рыцарском понимании.

– К черту этих святош, друг мой. Им верность чужда в большей мере, и мы тому доказательство. Ведь убивает не оружие, а наниматель. И мы – только оружие. Вспомни наше время, когда все рыцари, эти проститутки в латах, стали плести интриги и заговоры, используя наши клинки, наше невежество, нашу нищету и желание приключений. Кровь и деньги, Эшлер, кровь и деньги правят смертным миром. Пойдем, я покажу тебе наш зверинец, но сперва, как и обещал, представлю тебя с преподобным Робертом Бертоном, точнее тем, что от него осталось.

В часовне царил мрак и лунный свет, растерзанный цветной стеклянной мозаикой, лоскутами ниспадал на корабль, едва затрагивая алтарную часть. Лишь из одной двери пробивался тусклый лучик желтоватого света, танцует и заигрывает с сонливыми тенями.

В скриптории на нескольких серебряных канделябрах, в форме ртов гаргулий, таяли от животворного и светоносного пламени, толстые восковые свечи. Комната напоминала келью святого Иеронима работы Дюрера: никаких окон, множество каменных стеллажей для книг, свитков и пергаментов, в углу скопилось множество запасных письменных принадлежностей, на других столах лежали карты, портреты, алхимические препараты, инструменты, реторты, пробирки. В комнате, кроме самого Бертона находилось еще четыре вампира-подмастерья, помогавшие великому уму, освобождая его от рутины. Здесь часто были и молодые искатели знаний и мудрости. Иногда читались лекции и проповеди, написанные здесь среди тишины и умеренного света свечей. Погруженный в свою работу за столом, под пристальным надзором черепа без нижней челюсти и каменной табличкой с надписью «Silentium est aurum»⁵, сидел худощавый труп с обнаженными, проглядывающими из-под камзола, костями. Глаза его пылали жадной знания, жадной открытия, но горечь от бессмертия и от изучаемого им предмета, превратила его в одинокое чудовище. Предмет исследования превратил, обратил, заразил своего исследователя. Определенную толику к общему смятению и эскапизму добавили метаморфозы, претерпеваемые исследователем в ходе путешествия по Аду. Он не обращал на пришедших ни малейшего внимания:

– Друг мой, позволь представить тебе преподобного Роберта Бертона, автора прекрасного сочинения – дела всей его жизни – «Анатомия меланхолии». Увы, но я не увидел выхода в свет этой работы, так как погиб за несколько десятилетий до ее выхода. Здесь же, я имею удовольствие ознакомиться с самим сочинением и наслаждаться общением с ее автором. Эшлер, этот человек – венец гуманизма нашей эпохи, потрясающе эрудированный человек, ну, теперь уже не человек.

– Рад знакомству с вами, милорд. Надеюсь, вам по нраву здешнее общество. – вежливо приветствовал ученого Эшлер.

– Уверен, отвлечение меня от проникновения в сущность вещей стоит того, что сейчас происходит. Господа, я признателен вам за внимание и приятное знакомство. Я наслышан о вас, сэр Эшлер, даже сюда что-то да проникает, но частенько нечто бесполезное. Итак, господа, я могу вам чем-то помочь? Ведь, если я помогу вам, то вы уйдете по своим делам. Не зыщите на мой стиль речи, я не люблю пустых разговоров, особенно, последние лет сто.

– С чем это связано? – поинтересовался Эшлер

– Книгопечатание и его усовершенствование. Здесь мы пишем как и подобает ученым – вручную, таким образом упражняемся в безошибочном мышлении, рассуждении и владению своими руками, как наилучшими инструментами. Перо разит сильнее, чем самый острый меч. Позвольте спросить, вас, Эшлер, что для вас меланхолия? Я вижу вы больны ею.

– Меланхолия – это проклятие жить с открытыми глазами и открытым сердцем, как у Соломона или Экклезиаста. Видеть прекрасное, красивое, не вечное там, куда не каждый захочет смотреть.

– Хм, занятно, то есть для вас это всего лишь состояние духа? Да уж, неудивительно, что вы в аду, ведь ад, если и есть, то он в сердце меланхолика, уставшего желать без выходов, запутавшегося в потакании своим ангелам и демонам. Вам бы перестать быть одиноким и праздным, тогда ваша меланхолия начнет отступать, но в своем одиночестве вы либо Бог, либо Дьявол, и в вашем случае, первый вариант невозможен. Все же, не мне утверждать вам вашу жизнь, но прошу вас, окажите мне услугу, прочтите мою работу. Буду вам очень признателен. Теперь, господа, я прошу прощения, но мне нужно вернуться к своей работе. Благодарю вас за визит, и надеюсь, мы встретимся при более удачных обстоятельствах. И, пока вы не ушли, по вашему Аду хочу сказать: человек лишь для себя таков, а для других он – дьявол. Успехов вам! Чистая совесть – постоянный праздник!

---

⁵ Молчание – золото (лат.)

Эшлер и герцог попрощались с Бертоном, пожелав ему успехов и терпения в работе с подмастерьями.

Во дворе их ожидали два породистых скакуна андалузской породы, служившие когда-то в свите императора. Ныне же владыка миров, приютивший под свое перепончатое крыло всех каинитов вместе с их влюбленным родителем, щедростью и милостью своей одарил этих гордых коней свирепым, непокорным кровавым взором и демоническим гневом, вырывавшимся черным дымом мощной струей из раздувавшихся ноздрей. Ни один из смертных, ни даже ангел не сможет совладать с этими прекрасными конями. Имена им дал сам властитель мира: свобода и страсть. Они – подарок герцогу от самого Каина за личную симпатию к пленителю папы римского.

Обогнув замок, они направились к ближайшему городку, на примере которого герцог обещал показать Эшлеру зверинец, созданный по его изощренному замыслу. Герцог объяснял замысел Эшлеру, когда они проезжали по дороге, вдоль которой висели покойники, догнали на крестах предатели, догорали костры, сжиравшие плоть юных девушек. В воздухе стоял жуткий смрад от сгоревших ногтей и волос, от плоти, на которой нашли себе пиршественный стол, возблагодарившие Господа, падальщики всех мастей, включая и обезумевших людей, которые прежде были некромантами, алхимиками и учеными-биологами. Увы, но человек столь ценное творение, что нельзя безнаказанно рвать его на части. Ради науки это делают лишь те, в ком мало веры. На всадников они не обращали никакого внимания, ибо не видели и не слышали их.

– Они не видят и не слышат нас. Они думают, что живут. Только тот, кто умеет слушать тишину, может в дуновении ветра угадать наше присутствие. А для этих навозных жуков сейчас 17 век. В городе свирепствует чума, а за его стенами – война и разбойники. С другой стороны, мы легко можем изменить декорации, добавив современной аппаратуры и ускорить ритм жизни. Это мало что поменяет. Суть, которую я хочу тебе показать заключается в простом принципе: кровь – это жизнь!

Спустя мгновение они уже сидели за столиком фешенебельного ресторана, где им прислуживали официантки, тщательно отобранные по внешнему критерию, расовому и этническому. За отдельное вознаграждение можно подобрать прислугу себе по вкусу. К несчастью многих, им эта роскошь недоступна, но это не печалит сильных мира сего. Они живут в совершенно другом мире, и никогда не поймут тех, кто бережет каждый цент, полагая это скупостью. Рабочий же смотрит на них, этих лентяев с глянцевого журналов с ненавистью и завистью. К несчастью, оба недуга приводят к жестокости и слепоте, а это прекрасная возможность для маркетинговых комбинаций. Там где все счастливы, там никто не счастлив, ибо счастье одних покоится на страданиях других. Система противовесов поддерживает в людях мотивацию стремиться к большему или искать забвения. Суетливые клерки, официантки, банкиры, маклеры, дельцы всех уровней собрались здесь ради того, чтобы сорвать порцию удовольствия, за которое еще днем они платили своей кровью и своим временем. Эшлер следил за этой пестрой толпой, зная секреты и тайны каждого, и от этого он испытывал чувство радости и умиротворения, смешанное с долей иронии. Эшлер сделал глубокий вдох, ощутив палитру вкусов, откинулся в кресле. Герцог также откинулся на спинку кресла и довольно улыбнулся надменной улыбкой, не скрывая своего презрения к людям, немного обнажив свои клыки.

Им принесли угощение. Официант пояснил, что для мастера великая честь и удовольствие видеть Эшлера и герцога в своем заведении, и в знак почтения он дарит им бутылку рома из запасов времен Великой войны и лучшее вино, которое любил сам Оноре де Бальзак. Официант поклонился и оставил их вдвоем.

– Что ж, ром понравился бы моим ребятам, но увы, ничего, кроме крови мы не пьем. Все же, зная этого администратора, я уверен, что в бутылки вина мое любимое лакомство – кровь успешного человека, всю жизнь боявшегося потерять свое имущество. Как, скажем, Крез или Живоглот, – с довольным видом пояснил Эшлеру герцог.

– Хорошо, что демоны могут пить все, что им нравится. Не отдашь ли мне эту бутылку? Думаю, Артуру она придется по душе, – учтиво спросил Эшлер.

– Забирай конечно, и передавай мое почтение великому мастеру жизни. Я изучил его сочинения, и уверен, что он – отравленный цинизмом гуманист, прекрасный ритор и эрудит, – отозвался герцог. Спустя некоторое время, он продолжил – здесь есть смотровая площадка на крыше, мы можем подняться и все осмотреть. Ночной город, где не гаснет солнце, великолепен. От такого зрелища дух захватывает... Если римский Нерон устроил пожар Рима, то я его прекрасно понимаю. В конце концов жизнь брэнна, а искусство – вечно.

– У нас еще много времени до полуночи. Я еще могу сквозь свет разглядеть последние лучи заката, погибающие во мраке, нежно угасая, словно спасительные угольки, потерявшие вскую надежду быть услышанными.

– В тебе все еще живет романтик. Правильно! Лечите душу ощущениями и не позволяйте сердцу твердеть! – страстным голосом на повышенных тонах ответил герцог, сделав первый глоток, от которого радужка его глаз налилась кровью, сгоравшей в золотисто-рыжем пламени. Кровь всегда приводила герцога в неистовство и возбужденное состояние. Кровь вдохновляла его, как вдохновляет вино в умеренных количествах. – Давай же я расскажу и покажу тебе, что тут происходит. Я заметил, что человеческое существо бессознательно пробует кровь на вкус еще в момент рождения. Всю жизнь кровь поддерживает организм, привлекает к себе, заставляет человека спрашивать о себе, и испытывать какие-либо неестественные аффекты по отношению к себе: гордость за дворянское или рыцарское происхождение, высокомерие от принадлежности к древней и родовитой аристократии, к семье потомственных убийц всех мастей, начиная от солдат, заканчивая высшими офицерами и кайзерами. Вопросы крови, даже в этой презренной демократии, гниющей в брюхе гигантской химеры – государства, все еще будоражат и возбуждают. Артур изумительно точно подметил, что индивид, исчерпавший все возможности для поддержания своей самооценки, начинает гордиться тем, что его папа согрешил с матушкой на земле Саксонии, Англии, Ирландии, Московии и так далее. – После этих слов герцог рассмеялся. Кровь пьянила его. Он был ее пленником, словно поэт среди муз. – Самое сладкое для него – это видимость благополучия массы людей. Я побывал во многих битвах под знаменами Императора, но никогда я не видел ничего глупее, безнравственнее, чем бросать против нас молодых ребят, опьяненных побасенками о Родине, которая нуждается в них. Эта Родина, которая зовет их на смерть, зачастую сама развязывает кровавые войны. Пока успех, пока победы – все здорово и патриотов, право, хоть отбавляй. Как только начнется голод, массовое разорение мелких дельцов, когда торгаши-сограждане начнут сдирать за кусок хлеба огромные суммы, а с фронта возвращаются парадом не стройные красавцы, но толпы инвалидов, сумасшедших и прочих калек, которых уже ждут с пилами лекари, ведьмы – с мазями, гробовщики – с линейкой. Вот тогда-то патриотизм угасает, улечивается, словно мерзкий туман от лучей солнца. Воистину, правда глаза режет, а она такова: воюют либо ради денег и власти, либо ради крови. Все остальное – заблуждение и попытка утешить свое самолюбие, подорванное военными неудачами, сваленными, разумеется, на правителей. В этом котле варится жуткая каша из предателей, еретиков, праведников, ренегатов, верных лоялистов и бунтарей, и варится, кипит так сильно, что уже и не разбираешь кто есть кто. Я припоминаю историю с альбигойцами, когда по рыцарским ротам пошел клич «убивайте всех, Господь узнает своих», битва превратилась в резню, но сработало – альбигойцев не стало, но скоро зажглась звезда Лютера. Смешно, но если такова воля Господа, то он отлично умеет стравливать народы. И я взял свои наблюдения на вооружение, заставив людей поучать друг друга, а затем отправляться в военные походы. Результат одного из них ты уже видел. Как ни крути, но наша цивилизация, наш прогресс – это прогресс садизма и войны. Даже новинка... как же ее... интернет – изобретение военных. Зачем? Чтобы убивать больше и быстрее. В итоге – сработало, как мне кажется, ибо люди перестали верить во что-либо и стали податливы, их разум стал мягким,

словно его отравили. Все усложнилось настолько, что хочется простых решений и пожалуйста – атомная бомба и корпус егерей. Мда, нам бы в свое время такое оружие, мы бы проучили этих молокохлебов, заставили бы их побежать к своим коровкам в теплые объятия. – Герцог разразился злобным хохотом, в котором угадывалась жажда мести и горечь от поражения при Иври. Герцог был тем, кого сейчас называют «космополит», и он видел победу национализма, которого не признавал никогда. Герцог угадал мысль Эшлера и сказал, успокоившись. – Да, я презираю национализм, патриотизм и всю эту жалкую свору крестьян, этих навозных жуков и все потому, что в своей жизни и после смерти, когда мой господин открыл мне глаза, я не увидел ни одного гения, считавшего себя кем-то, кроме гражданина мира. Вдобавок, я скажу вот что, все продается. В этом мире продается абсолютно все, и когда ты все увидишь своими глазами, ты оценишь мое изобретение. Я считаю, что отлично понял выражение: ад – это другие, и словно цветы Мандрагоры, я даю всем жителям этого города смаковать ее, переживать вновь и вновь навеки.

Эшлер слушал герцога очень внимательно и с большим удовольствием, подливая себе вина. Ему нравилась идея, а мысль о предстоящей демонстрации волновала его еще сильнее. Однако, Эшлер замечал, что герцог уже устарел. Он не понимает этого мира. Этот мир противен ему до тошноты, и ему милее его сообщество вечных бродяг, одетых щегольски, дерзко, презирая авторитеты, поблескивая полированными кирасами и заточенными цвайхандерами. Его времена ушли, но он не ушел, вобрав в себя новое знание, герцог приступил к своим обязанностям. Эшлер был рад, что все исполняется так просто и точно. Ведь его идея оказалась крайне простой: люди сами творят свой ад, и им особо помогать в этом не нужно.

Оказавшись на смотровой площадке, Эшлер вспомнил отрывок из одного стихотворения русского поэта, точно подходившего для описания того великолепия, что предстало перед его взором:

– Так!.. но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты,
Во всем величье видел ты
Закат звезды его кровавой!..
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,

Из чаши их бессмертье пил! – подхватил герцог. – Приятный момент бессмертия, друг мой – прекрасное бессмертно, и вечно им можно наслаждаться.

Начался дождь. Тучи свинцово-серые стали сгущаться и смешиваться с темно-алым потоком, заполнявшим небо, пронзая его четкими небольшими линиями. Бледно-серебристые раскаты грома были похожи на громогласные удары сердца. На землю стали падать кровавые капли. Сначала несколько капель, а вслед за ними, с постоянно нарастающей частотой, следовали другие. В каждой капле томилась душа, чьи желания в течении жизни были безмерны, и мир не сумел удовлетворить их все. Эти души теперь разбиваются о крыши домов, о тротуар, падают на голову людям, полагающим, что это обычный дождь, из самых обычных капель воды. История должна запомнить каждого убитого во имя прогресса, во имя слез матерей, ради почестей и славы тех, кто читает только статьи в газете. Увы, но их помнит только дождь, стучащий по карнизам, словно отпевая их, и гром, помнящий о павших могучими раскатами, словно бой колоколов церкви. Природа и есть храм Истины, и мертвые хранят сокрытое в листве.

Герцог и Эшлер появились в углу парадной залы, где свет не имел власти. В военное время люди экономили на людях и на всем, отправляя все ресурсы тем, кто не вернется с фронта живым: ни телесно, ни духовно. В комнате слабо горел камин, на накрытом к ужину столе на трех человек стояла одна лишь супница с похлебкой из крупно нарезанных овощей и мясной кости, скорее всего, ее отобрали у собаки. Семья собралась к ужину: оголодавший

клерк – глава семейства, упитанный мужчина средних лет с проступающей плешью и сединой, с морщинами на лице и мешками под глазами, одетый в костюм, носимый им уже несколько лет; супруга – женщина средних лет, но выглядевшая на полвека из-за морщин, отравления некачественной или дешевой косметикой, исхудавшей от голода и изнурительного труда на швейной фабрике, откуда она иногда воровала бечевку или куски ткани на продажу или бартер, одетая в старое летнее платье, закутанная в вязаный платок, наливала суп одряхлевшими, дрожащими от усталости костлявыми руками; юный сын, заканчивавший обучение в школе, готовящийся стать врачом, исполненный жажды жизни, но немного исхудавший на диете, что было видно по слегка впалым щекам и усталому виду, так как учеба и атмосфера отнимали много сил, ослабляя нервную систему. Вся семья жила в напряжении, и порой не сдерживала беспричинную ярость, срываясь друг на друга. Не хватало сил, чтобы сдерживаться, ведь все уходило на фронт, а с фронта приходили только похоронки и письма, где не говорилось ни слова о боях.

Герцог злорадно улыбался. Он прекрасно знал их будущее, их настоящее и бесконечное проигрывание одной и той же сцены их жизни. Он сам создал им такую жизнь, и люди безропотно ей подчинялись, ведь они всегда так жили, и главное, что в глубине души, куда не попадает свет, в самой темной бездне сидел маленький бесенок, имя которому – удовольствие. Эта семья отчасти соглашалась с такой жизнью, ведь они читают газеты и слушают радио.

Эшлер равнодушно смотрел на эту сцену. Он видел такое не раз. Он сам был вербовщиком, прекрасно зная каково это – отрывать людей от дома. Эшлеру повезло с тем, что его основным источником новобранцев был всякий сброд, мотавшийся по кабакам без цели и смысла. Таким проще всего убивать, грабить, разорять и истязать. Проблема наступала после первого дележа добычи, у новобранцев появлялась воля к жизни. Война всегда спасает людей от жизни в нищете или от скуки. А молодому школяру было очень невесело голодать и мерзнуть в тот момент, когда творятся великие дела.

Пока семья ужинала при свете камина и пары свечей. Юноша отодвинул тарелку, достал бумагу из нагрудного кармана и зачитал ее содержание, дополнив словами:

– Я иду на фронт. Завтра утром я уезжаю в учебный корпус, а через полгода я уже буду писать вам письма с фронта.

Пока юноша мечтал о форме, подвигах и славе, его мечты омрачила реальность. Мать начала задыхаться от настигшего ее шока. Сердце бешено заколотилось. Она не могла вымолвить ни слова, только кряхтела и кашляла, смотря на единственного сына полубезумными, почти стеклянными глазами, перед которыми пробежали сцены боев, прихода живого сына, явление почтальона с похоронкой и следом тело сына, если будет возможность его найти или сшить воедино. Отец, как человек более рациональный, едва не сдержался, и с силой бросив ложку в тарелку, ринулся помогать супруге, браня своего сына:

– Болван! Бестолочь! Идиот! Ты совсем спятил?! У тебя формалин в голове или спирту напился, безмозглый кретин?! Что ты несешь?! Какая армия? Какой фронт?! Ты посмотри на свою мать, посмотри до чего ты ее довел? Ну, кто так сообщает такие известия?! Оболтус?! – через несколько минут, супруга пришла в себя, отдышалась, но не отошла от услышанного, что потрясло ее до глубины души. Она потеряла дар речи. Супруг настоял, чтобы она пошла спать, а он все уберет и вымоет. Супруга ушла спать. Двое мужчин остались одни. Отец продолжил:

– Вот возьми! – Он протянул ему сигарету. Сын охотно взял и закурил. Отец продолжил: – Ты пойми, нельзя сообщать такие новости, зная чувствительность твоей матери. Я тобой горжусь, ты поступаешь как настоящий мужчина. Я ведь тоже служил. В пехоте. Яркие мундиры, сомкнутый строй молодых красавцев, маршировавших нога в ногу. От девок отбоя не было. Гроздьями свисали. Учебка, сынок, это время формирования настоящего мужчины – защитника Родины, защитника домашнего очага. Это время воспитания лучших качеств с отменным юмором. Эх... как я тобой горжусь! Знаешь, возьми на память этот золотой портсигар. Сига-

реты – вот валюта солдата, и ценится дороже золота. Хе-хе, золото не покуришь! Ну, давай откупорим старый запас шнапса и выпьем с тобой. Я уверен, ты вернешься живым... Живым героем... только зазря не рискуй и не лезь под пули, и всегда слушайся офицеров, они дурного не посоветуют. Ну, твое здоровье, гвардеец!

Матушка не смогла присутствовать на проводах сына. Новость совсем подорвала ее здоровье. Нежное, любящее сердце слабой, измотанной, чувствительной женщины не выдержало такого известия. Единственный сын, в которого она вложила всю свою душу, всю безграничную любовь и заботу, всю свою жизнь, посвятившая беззаветному воспитанию, обеспечению и ласке покидал ее ангельское крыло, спасавшее от любого ненастья. Матушка забывала о себе: о еде, сне, новой одежде. Все свои силы она отдавала своему маленькому сыну, мечтая, чтобы он вырос красивым, умным, смелым, серьезным. Да, она хотела видеть его гордым, носящим форму, но не такой ценой. Она мечтала, чтобы он достиг успеха, и как она радовалась, что ее сын не спутался с дурной компанией новомодных романтиков или декадентов, или революционерами всех мастей и направлений. Она хотела увидеть его последний раз: увидеть его красивую шевелюру, развиваемую на ветру, его блестящие, горящие молодостью карие глаза, его широкую и белоснежную улыбку, которую он дарил ей все дни, проведенные с ней, благодаря за конфеты, за игрушки, за книжки, за одежду, за все. Тело не слушалось ее, приковав ее к кровати, а скорбь заставила ее плакать. Страх не увидеть сына только сильнее истязал ослабшее сердце. В одиночестве, прикованная к постели, она рыдала, и только скорбь была с ней рядом. Только скорбь и больше никого.

Отец вернулся домой радостный, но уставший. Смутное ощущение тревоги не покидало его. Чувство радости не доставляло ему полного удовольствия, оно было пустым и притворным. Он достал остатки шнапса и выпил всю бутылку один, чтобы быстрее опьянеть и уснуть.

Эшлеру и герцогу показалось, что прошло мгновение, но для супружеской четы эти полгода казались кошмаром. Тоскливая жизнь, словно они уже были мертвы. Каждый день серый и безрадостный, наполненный тревогой, отчуждением, затаенной обидой или ненавистью. Супруги часто ссорились. Гнев, страх, предчувствие беды и ощущение непонимания, одиночества царило в доме. Нигде не учат, что и как делать в условиях войны, как любить, как ненавидеть. Людей выбрасывают в жизнь, капризы которой не поддаются измерению: кто знает, что выпадет завтра, кто учтет все превратности судьбы, кто поможет в беде – сколько всего понимается в моменты страданий. Увы, но человеку надо что-то пережить, чтобы понять, что он ничего не стоит в этой жизни. Ощущение ненужности было королевой в доме супружеской пары, и таких пар было миллионы. К их невзгодам прибавилось беспокойство за сына. Свет будущего и яркость красок мирного времени угасали с каждым днем, с каждым новым выпуском газеты со сводкой о битве.

Спустя восемь месяцев война закончилась. Почта начала работать. Соседский сын вернулся живым, но в инвалидном кресле: шрапнель раздробила ноги до колен. Они с сыном супружеской четы служили вместе, но в одном из сражений, когда его спасли, друзья и соседи, потерялись. Герхард, так звали соседского парня, был обязан своей жизнью своему соседу – врачу Йозефу, школяру, изучавшему основы медицины в свободное от школы время. Счастью родителей Герхарда не было предела. Невозможно описать словами то чувство, когда обретаешь мир, когда любимый сын возвращается с войны, когда снова есть луч надежды на лучшее будущее. Если бы родители только могли понять самого Герхарда. Родина, ради которой он потерял ноги, выплачивало скудное пособие, а его самоотверженность не встречала понимания среди молодого поколения, которое пыталось свести концы с концами, так как Родина погрязла в долгах и контрибуциях, в революционной пропаганде. Молодым горячим сердцам хочется перемен, а Герхарда приводил в ужас даже стук в дверь, сильно напоминавший очередь пулемета по деревянному брустверу. Люди жалели Герхарда, но не понимали его. Он пытался жить нормальной жизнью, но на работу его не хотели брать, ведь он вздрагивает от каждого громкого

звука, от резкого шелчка. На беднягу даже девушки не смотрели, предпочитая тех, у кого были обе ноги и не было опыта пережитого. Герхард утонул в опиуме, в роме, шнапсе и русской водке вместе с такими же товарищами-фронтовиками. Родители делали все, чтобы поднять дух своего ребенка, и вскоре, Герхард устроился на завод работать с бумагами и отчетами. К тому же, у него появилась боевая подруга, полюбившая его без ног, с искалеченной душой. Пожалуй, только она спасла его от неминуемой гибели, если бы не одно но: она изменяла ему. Закончилось все ранним утром с раздавшимся сдавленным хлопком. На инвалидном кресле, закинув голову лежал солдат по имени Герхард, лежал он неживой. Родители сошли с ума от горя, и никогда не смогли оправиться. Отец стал пьяницей, а его супруга обрела покой от нового слова в психиатрии – лоботомии. Тем временем газеты сообщали о статистике, и о том, что государство пытается помочь всем, но эти сообщения тонули в политической борьбе партий, использовавших горе отцов и матерей ради голосов, ради вербовки сторонников и возможности вооруженного переворота. И это повторяется каждый день, ведь ад – это другие.

Отец и мать Йозефа видели счастливое возвращение Герхарда. Поначалу они радовались, но потом радость сменилась ревностью, завистью. Йозеф не вернулся домой. Об этом сообщило официальное письмо, которое принес сослуживец. Для этого ему пришлось избить почтальона, но это дело чести, как считал Пауль. Пауль решил, что кабинетная крыса не может нести новость о том, чего она не видела и не знала. Пауль рассказал семье все о гибели их сына: Йозеф спас многих товарищей от смерти и ран, всегда был в самом пекле, вытаскивая раненных. Пауль видел, как Йозеф остался прикрывать отступление своей роты. Когда врагов стало слишком много, он увидел Йозефа с пулевым отверстием в шее. Видел как вражеский солдат, такой же школяр, добивал захлебывающегося кровью, беспомощного Йозефа, саперной лопатой, словно животное на мясобойне. Пауль сказал, что прострелил голову тому мерзавцу, но спасти Йозефа он не смог. Пауль обещал помогать родителям Йозефа всеми силами.

Мир потерял всякий смысл. Все иллюзии, все надежды рухнули, рассеялись как дым. Мать Йозефа хватил сердечный приступ, от которого она не оправилась полностью. Она осталась прикованной к постели. У нее помутнел рассудок. Она стала слышать галлюцинации. Она потеряла в весе, и перестала есть. Она постоянно, в минуты, когда рассудок возвращался к ней, попрекала мужа тем, что он отпустил его в армию, обвиняла его в смерти своего сына. Она стала полностью апатичной ко всему. Муж поместил ее в лечебницу, так как его здоровье тоже было подорвано, и ухаживать за супругой он уже не мог. Вскоре отец, в порыве алкогольного делирия, утопился в ванной. Мечты о славном сыне-герое, шеголявшим по улицам столицы с красавицей женой и парой ребятишек утонули навсегда. Каждый день отец получал свежую газету, где сообщалось о великом подвиге народа-победителя, о великом событии в истории вместе с новыми партийными пропагандами с идеями милитаризма, патриотизма и империализма. Каждая партия использовала факты ради голосов, ради общественного мнения, ради вербовки новых членов. Каждый день политика, каждый день экономика, и все это теряет смысл, когда отцу отказывали в материальной помощи, аргументируя тем, что погибших миллионы и всем родственникам нереально выплачивать помощь. Отец понял все прекрасно: Родина нашла миллионы людей, чтобы уничтожить их на полях сражений, но не нашло миллионы, чтобы помочь семьям, потерявшим все самое дорогое, что нельзя просто заново родить или купить – веру в человечность. С горьким сердцем, с нервным расстройством ушел из жизни отец семейства. Завтра он опять переживет эти восемь месяцев. Снова будет скромный ужин, снова речь сына. Все вновь повторится. Кошмар в том, что отец все прекрасно будет помнить, но сделать по-другому он не сможет. Воля к жизни очень чудовищная вещь.

Герцог показал Эшлеру и другие семьи, где сыновья вернулись с войны целыми и невредимыми. Кто-то отсиделся в тылу среди штабных офицеров, зная французское правило: коньяк, кофе и сигара вместо дозора, патруля и чистки оружия. Кто-то прострелил себе колено или что-то еще, чтобы отлежаться в госпитале среди симпатичных медсестер. Но среди всех,

кто сражался и видел линию фронта своими глазами, нет тех, кого война бы не изувечила, не изменила навсегда. Все предпочитают молчать о судьбах молодых ребят. Все старались жить дальше, старались разбогатеть, устроиться в жизни и забыть все как страшный сон.

Все этого хотели, все, кроме солдат, у которых на войне осталась молодость, где вместо свиданий были сражения и смерть. Теперь все это герцог повторял каждый день, смакуя безумие, смакуя боль, поистине гордясь своим изобретением. Столько крови по доброй воли, по необходимости долга, ради денег и главы в учебнике по истории – изумительно! Герцог не зря повторял: кровь-это жизнь!

– Смерть одного человека – трагедия, смерть миллионов – статистика. Ваше изобретение великолепно, друг мой. К несчастью, мне пора. Скоро Самайн, и мне нужно сделать несколько приготовлений, вдобавок к этому, я желаю поведать старого друга. Прощайте, друг мой!

– Признателен тебе за визит, и досадую на необходимость покинуть меня и мое славное общество. Но в этом есть нечто приятное, ведь и я приглашен на Самайн. Надеюсь, мы продолжим нашу беседу там, при более приятных обстоятельствах. Позвольте откланяться, дорогой друг, мое вам почтение и напоминание: легка у мертвых поступь. Будьте вы прокляты, друг мой! —почтительно поклонился герцог, и проводив Эшлера взглядом, сел в подошедший экипаж, управляемый Мародером, и отправился в свою обитель.

Эшлер выбрался из города, где всегда были склоки: из-за супружеских обязанностей, ролей мужчины и женщины, конфликтов детей и прочие бытовые, низменные склоки приводили людей к единственно верному выходу: уничтожить всех, кто думает иначе, а потом вообще всех, кто думает. Жажда крови сильнее жизни, и увы, Дюркгейм был прав, когда рассуждал о героизме, как способе самоубийства. Эта заманчивая идея часто отвергается праведными головами. Эшлер устал от этих склок и драк. Даже его охватило мерзостное чувство, от которого хотелось сбежать, как от чумы. Эшлера соблазняло одно место, где таилось его самое сокровенное желание. К нему он и держал путь.

Нельзя любить одной любовью,
Должна и ненависть в сердцах царить,
Чтобы обогреть золото сыновьей кровью,
Чтобы потом убийц боготворить.

Приносим ли жертвы темному Богу,
Иль станем открыто демонов чтить,
Чтобы сынов предать ближайшему острогу,
Чтобы за золото царей сограждан истребить.

Обрел кто покой, погибнув в бою,
Снова восстанет бессмертном строю,
Чтобы помнить всех жертв нашей злобы слепой,
Чтобы чтить всех убитых для забавы одной.

Во веки веков нигде не найти оправданья
Жертвам тщеславия, ярости и лжи созиданья.

Эпилог. Соблазн

Каждое приличное общество стремится оградить себя от опасности безумия, чумы или иной грязи, способной запятнать честное общество. Так был огорожен район бедняков, наемных рабочих, в целом, крайне неблагополучный район, и согласно, общепринятой идее, обитатели этого района провинились перед Господом, за что были лишены всех благ честного и благочестивого общества, а также их уровней дохода. В этом районе находился один из первых лепрозориев. К нему и направился Эшлер.

Полуразрушенные дома едва не разваливались от каждого порыва ветра, издавая ужасные скрипы, будто бы кому-то непрерывно ломают кости. Время беспощадно ко всему, стирая с лица бытия следы деятельности людей. Крыши покосились, и часто напоминали решето. Черепица покрыта плесенью, следами от когтей. Стены овиты догнивающим плющом, сухими лозами, несущими болезненные цветы. Узкие улицы усеяны мертвыми жертвами чумы и погромов. Здесь царил смерть, и только размеренный шум ветра, скрипы, лязганья и удары оконных створок приветствовались в качестве аккомпанемента песням воронов и трапезе падальщиков.

Эшлер остановился у входа в лепрозорий, построенный в стиле готической церкви, весьма скромной по убранству, придающий ему завершенность и очарование скромности. Из-за дверей выглядывал луч света, боявшийся выходить наружу, боявшийся потревожить покой мертвых.

Войдя, Эшлер увидел человека в монашеском облачении, сидящем на коленях. Монах что-то шептал, и до Эшлера доходили знакомые слова реквиема. Эшлер стал ждать, пока монах закончит молитву.

Рассматривая лепрозорий, Эшлер заметил его простоту, скромность убранства и наличие библиотеки. К несчастью, все медицинские препараты, книги и инструменты были разбросаны, разорваны и изуродованы, но тем не менее, по этим вещам можно представить себе значение этого места. Эшлер также заметил на стенах надписи имен пациентов или молитв, но среди них были несколько литаний к Дьяволу, и рядом с ними четко видны следы от когтей, будто кто-то скреб стены, возможно, в предсмертной агонии или помешательстве. В лепрозорий брали всех: зачумленных, калек, сумасшедших или больных иным недугом. Плохое освещение, плохое проветривание, ужасная еда, ужасная теснота, жестокость персонала – вот

будни жертв лепрозория. По иронии его называли «Чистилищем». Светом служили несколько алтарных свечей и пара факелом у стен, создавая жутковатую игру тени с хаотично разбросанными предметами и местами, где свет не имел власти. Все это создает угнетающее ощущение вынужденного, иллюзорного и обманчивого уюта. Только молитва монаха была честной, не видящей разницы между светом и тьмой. Так казалось Эшлеру.

Монах закончил и повернулся к Эшлеру:

– Здравствуй, долго тебя не было. Я уже начал думать, что ты не придешь.

– Ты ждал меня?

– Можно и так сказать. Может, не тебя лично, но кого-нибудь всегда сюда занесет смрадным ветром.

– Ты отпевал мертвых?

– Не мертвых. Себя. Я просил дать мне вечный покой, а до этих бедолаг мне особого дела нет. Вряд ли их что-то успокоит. Ведь, многие из них погибли от рук собратьев, родственников и друзей лишь потому, что жили в этой дыре и заболели. Страх порождает суеверие, и есть эйдетический страх, который порожден в нас изначально благодаря Богу.

– Ты всегда отличался от всех. Жаль, что тебя не похоронили как положено. Но поясни мне, как ты можешь утверждать, что Бог дал смертным страх?

– Жаль? Зачем жалеть самоубийцу, у которого всего две причины умереть: просвещение или нежелание хотеть, то есть либо ты узнал истину и готов умереть, либо ты настолько закрепостился в своей плоти, что дух просто не выдерживает и предпринимает отчаянную попытку вырваться из тела.

А насчет Бога, то тут все замечательно. Видишь ли, когда твой мессир совершил преступление, то он своим своеволием создал дисбаланс сил и гармонии мира. Конечно, мира иерархии и порядка, мира света, если угодно. Ангелы и всякие прочие существа божественного происхождения со времен эллинов считаются совершенными, и либо лишенными эмоций, либо, как я думаю, испытывающими их в совершенстве. Мысль об атараксии намного приятнее стоической апатии, но дело вкуса и возраста. А человека надо еще научить бояться, научить преклоняться ради его же блага и долгой жизни. Бог создает страх, трепет и невежество, и не вдаваясь в подробности скажу сразу, что ради сохранения порядка человек может истребить слово о Боге, догмат о Боге, воспоминание о Боге, но не самого Бога, потому что человек создает богов по образу и подобию своему, но это лишь часть мироздания, а что за горизонтом – там нет надежды и глаза не нужны, чтобы видеть. Так что, Бог ради повиновения смертных создал страх и суеверие, но не думай, что это жестоко. Невежественная толпа милосердия не проявляет, и вспомни как мстили язычникам последователи Христа. Люди... что тут еще добавить. Если интересны подробности, добро пожаловать в мою библиотеку, и кстати, пойдем, я хочу прогуляться до дома.

– Я для начала спрошу у Люцифера его версию истории, а затем обращусь к твоей библиотеке... – Эшлер не успел договорить, как монах перебил его. – Да, он тебе многое сумеет рассказать еще и онегинской строфой или эпической балладой в духе Мильтона, ха-ха. Однако, выражаю свое восхищение его библиотекой с толикой зависти. Да, извини, что перебил. Я не привык общаться с... мертвыми.

– Зато я привык общаться с тобой. Пойдем, расскажешь о городе.

– О! С удовольствием! У этого города весьма занимательная монада – глаза монаха загорелись от такой просьбы. Он маниакально любил этот город, и любил, пожалуй, больше себя самого. – О лепрозории, ты, знаешь не хуже меня, ведь именно здесь тебя выхаживали от ранения, и уже тогда на тебе сияло клеймо предателя. Все же, именно мне ты обязан своим... смертным спасением. Долго здесь ты не пробыл, сбежав на третий день, и благо, что ты часто гулял, дыша свежим воздухом и принимал все лекарства. Это уберегло тебя от чумы, хотя тогда все было не очень серьезно, и мы не осознавали всей опасности. И к чему увертки, на этот район

всем было плевать: священники сбежали отсюда при поступлении первого десятка зараженных; управляющие и дозорные создали оборонительную стену, оградив себя от нас. С наблюдательных башен они смотрели, как мы умираем, как бьемся в агонии, как ежедневно одного за другим прибирает к себе святой Витт, как бились в судорогах, словно при падучей болезни, несчастные дети, старики, женщины. Все, что ты видишь – это кусочек общего ужаса, общей безвыходности. Самоубийства были сплошь и рядом, но большинство тел так и не нашли: не хотели, и кое-кого просто съели. Незачем тратить на бедняков, и поэтому нас бросили, отказав даже в евхаристии и отпевании.

Когда зараженных негде было складировать, а смрад и вонь сгушались в облака, от которых болезнь распространялась по телу еще быстрее и мучительнее. Люди задыхались в этом смраде, и похоронщиков здоровых уже не осталось. Весь район звучал кошмаром: всюду кашель, отхаркивание, стоны, крики, хруст ломающихся костей. За всем этим следили те, кто поклялись защищать нас... ха, теперь они защищали власть. Им приказали расстреливать нас. Тогда ко всем бедствиям добавились издевательские соревнования стрелков. Они спорили на деньги, соревнуясь в меткости. За ребенка самая высокая награда – десять пфеннигов. На глазах у матерей дети падали замертво, словно колосья в сбор урожая, под смех и оскорбления стрелков. А несчастная мать, окончательно обезумев, начинала биться головой о стену или пытаться расцарапать камень, пытаясь добраться до убийц.

Болезнь меня миновала, потому что я редко соприкасался с больными. Однако, это не могло долго продолжаться, и развлечение стрелков лишь первая мера. Я ожидал погромов и тотального уничтожения целого квартала. С давних пор я изучал труды магов, алхимиков и платоников. Может знаешь их: Марсилио Фичино, Агриппы Неттесгеймского, Трисмеги-ста, Мирандолы? Ночами я читал и изучал все правила и заклинания, практикуя различные техники по управлению своим умом и телесными процессами. В конечном итоге, я нашел рецепт желчного сока, способного оживить мертвых без помощи философского камня, но для этого нужны были несколько условий, и главным было: посвятить себя служению хаосу. Тело не должно разрушаться, и ангельская помощь и благодать тут не помогут, по простой причине: они скорее исполнят предназначение, чем позволят нарушить законы природы. Ведь Бог есть Природа. Итак, я отдал свою душу Хаосу. После этого я выпил эту желчь, и после страшной боли, случилось удивительное: моя душа вросла в мое тело, и отринув Божью благодать стала темной, но своевольной. Я обрек себя на свободу. Таким образом мне удалось создать себе небольшую свиту из мертвецов, личей, парий и прочей нечисти. Благо, в материале не было недостатка. В скором времени я заготовил достаточно материала, чтобы продолжать свои изыскания.

Погромы начались неожиданно. Толпы солдат под гимны священников ворвались в наш район, и стали убивать, сжигать, грабить. За пару часов резни, квартал и лепрозорий сгорели дотла, оставив только руины. Однако, солдат предали, закрыв ворота. Теперь эти освободители остались дышать тем, чем дышали мы. Я спрятался в подвале и просто ждал. Времени у меня теперь было предостаточно.

– Ты не стал создавать армию мертвых? Не стал мстить?

– А зачем? Когда живешь среди боли, отчаяния, смерти и вечной ночи, созданной погребальными кострами, жалость умирает вместе с сердцем. Уже воспринимаешь эту картину, как обыденность, как завтрак, как пейзаж за окном. Я сочувствовал им, но подумай сам, что было бы, если бы я создал тут маленький некрополь с дворцом-зиккуратом на главной площади? Нет, мне нужно одиночество, и именно здесь я его создал. Добавь к этому, еще годы войн, конфликтов, крови и слез, и как итог – проклятое бессмертие, которого мало кто может вынести, если вообще кто-то сможет.

Они вышли в жилую часть города. Со временем город разросся, и улицы наполнились электрическим светом, машинами, рекламными вывесками и толпами людей всех положений

и слоев. Люди предпочитали забыть или вовсе не знать о том, что произошло давным-давно. Это мешает радужному ощущению единства, любви и братства в борьбе за сохранение великого наследия предков с приумножением своего благосостояния. Лишь раз в год устраивался карнавал, ставший со временем светским праздником, утратившим свое первоначальное суеверное назначение – умиловить смерть, почтить память умерщвленных Чумой. Теперь же люди радуются, пьянствуют и развлекаются в меру своих сил и способностей, обогащая сувенирные лавки, магазины игрушек и рестораны. Неважно, какой повод создан для того, чтобы подарить близкому хорошее праздничное настроение и создать для него, хотя бы на один день, небольшой островок покоя и счастья. Со временем забывается все, кроме доброты и милосердия. Они остаются навсегда, не взирая на лица и взгляды.

Монах жил на седьмом этаже многоэтажного дома. Дом большей частью пустовал из-за того, что его облюбовали маргиналы, бродяги и нищие в поисках укрытия от полиции или от непогоды. Здесь было очень мало постоянных жильцов, поэтому этот дом являлся отличным убежищем для монаха.

В квартире царил полумрак, из-за отсутствия постоянной подачи электричества. Обои на стенах обшарпаны, как и потолок. Деревянные окна выглядели очень старыми, как минимум, им можно дать полвека. Мебели немного, ничего лишнего в комнате не было, но поражаало изобилие книг, журналов, тетрадей, спавших на полках или вальяжно лежавших на полу вдоль стен.

– Вот мы и дома! Добро пожаловать – приглашающим жестом монах звал за собой Эшлера.

– Почему здесь?

– Если хочешь спрятаться, прячься под носом завистливых гордецов, которым жутко любопытно все разузнать о владельце замка или поместья, если там нет вампиров или демонов с призраками и прочей нечисти, то славный пинок под нужное место от зависти толкнет толпы исследователей в мое пристанище. И что прикажешь: убивать их всех? Нет, не люблю руки пачкать, тем более о такое... существо, как человек. Во мне оно всегда вызывало двойное чувство: жалости и презрения.

– Разве внешняя суета тебя не раздражает? Как же: многообразие последней тишины, блаженного молчания веселье..?

– Ха, и нежное внимание Сатаны? Да, есть изъян у этого жилища, но все бессмысленно, ибо прошлое и пережитое мною тащится со мной. Каждый несет свой крест. И вот почему бессмертие – это нарушение законов Природы, это проклятие. Представь себе бесконечную сумку или ящик Пандоры с опытом жизни бессмертного. Разве не захочется закрыть, замуровать эту гробницу на семь печатей? Конечно захочется, потому что потомки этого понимать не захотят, да и многие просто не смогут понять ничего более, кроме как дважды два равно четыре. Кто умножает познания, тот умножает и скорби, а Хроносу весело.

– Не могу с тобой спорить, так как во всем с тобой согласен, и общества твоего ищу ради этого согласия и того, что можно услышать в тишине.

– Ах ты мерзавец! Наконец-то ты раскрыл свои карты, и я рад, что ты умеешь слушать. Пойми, нет никакой разницы где и когда слушать тишину. Смерть наступает нас везде, равно как и раздумья о жизни. Ведь размышлять надо о жизни, а не о смерти.

– Хотя Сенека советовал иное – улыбнулся Эшлер.

– Игра слов. Все хотят высказаться, и если бы утвердили значения слов, то спорить было бы не о чем, или почти не о чем, но пусть у представителей толпы уберут слова: любовь, честь и мудрость. Им они ни к чему. Все равно они ими не пользуются, а только оправдывают свои животные инстинкты, приправливая их пряностями вежливости, флирта и соблазнения. Зачем понимать, зачем познавать глубины, зачем вообще идти за горизонт, когда можно просто выучить пару свежих остроумных шуток, несколько новых комплиментов, разобраться в моде и кра-

сиво говорить о мечтах и горизонтах. На деле выясняется, что интерес представляют последствия вожделения, а не любовь. Любовь – это квинтэссенция всех стихий и Великого Духа. Великая любовь есть дочь Великого познания, и никак иначе. Все остальное – дань похоти, маскарад вожделения и царство низменного, не вечного и обреченного. Все надлежит одухотворить, а иначе все обратится в прах.

– Каждому свое, разве нет? Пусть человек будет волен выбирать свою судьбу, ведь тем мир и интересен, что он есть сумма блуждающих субъектов.

– Фу, фу, фу, какая мерзость тебе приходит в голову, ну а впрочем, все имеет право на существование, отказывая себе в праве на небытие, и потому стремится себя увековечить в газетной ерунде. Хе-хе, рифма получилась. И отшельникам не чуждо посмеяться: О муки! О любовь! О искушенья! Воистину, соблазн уединенья еще никто не победил. Однако, чаще всего мне тоскливо среди ощущения флера цветов зла и сплина собственных размышлений. Я опьянен ими.

– Как в глубину кулис – волшебное виденье,
Вдруг Радость светлая умчится вдаль, и вот
За мигом новый миг безжалостно пожрет
Все данные тебе Судьбою наслажденья
– О вспомни: с Временем тягаться бесполезно;
Оно – играющий без промаха игрок.
Ночная тень растет и убывает срок;
В часах иссяк песок, и вечно алчет бездна.

Приятно общаться с поклонником Бодлера. При всем моем нынешнем положении мне нравится то, к чему привело меня одиночество – к возможности иметь собственное мнение на любой счет, и в качестве судей иметь тех, кому я безразличен. Общество все-таки состоит из людей, и гуманность порой играет злую шутку, а заблуждаться я предпочту в одиночестве. Мои томления помилуй, Сатана!

– Порой с поклонниками общаться приятнее, чем с их кумирами, но это крайне редко. Гениям не везет на поклонников-падальщиков талантов.

– Мне кажется, нам трудно беседовать именно от того, что мы слишком хорошо понимаем друг друга. Ты – предатель, бежавший от людей, а я был ими растерзан и продал душу Бездне ради собственного спасения, ради того, чтобы жить. Хм, странно, но именно такая жизнь мне по душе. Помнишь это стихотворение:

Отверженник-поэт, что, обреченный аду,
Давно сменил очаг и ложе на вертеп.
В вас обретет покой и горькую усладу:
От угрызения спасут вертеп и склеп.
– Альков и черный гроб, как два родные брата,
В душе, что страшными восторгами богата,
Богохуления нечестные родят.

– Bravo, друг мой, приятно мне общество того, кто прогуливался по ночному саду, где растут болезненные цветы. Как хорошо, когда тебе некого судить. Да, мое изгнание – это бегство больного чумой от больных камнем глупости. Может быть, на их счет я ошибаюсь, но теперь это неважно. Теперь я один, и не хочу делить свое одиночество с желчным, черствым мерзавцем, помнящим все обиду и всю причиненную ему боль лишь за то, что он удосужился думать иначе, жить по-иному и чувствовать иначе. Я хочу оставаться самим собой, простой тенью уходящего дня, тенью среди звезд, среди немного безмолвия красоты и серебристого, пьянящего изящества меланхолии, тоски с легкой ноткой грустной скорби. Меня пьянит это ощущение, это состояние, я нахожу его блаженным источником своего счастья. Это моя пляска смерти, и клянусь суккубами, она сладка, словно пляска смерти самого Сен-Санса в исполне-

нии органиста. Моя грусть не утрата, а приобретение, нечто врожденное или инстинктивное, чьему раскрытию способствовали обстоятельства... Прости, мне легко начать откровенничать, ведь надо мной нет дамоклова меча общественного порицания.

– Тебе не нужен ад или рай?

– О, зачем? В раю скучно, а ад пуст. Нет ничего ужаснее середняков-бюргеров, буржуа и прочих мещан. Они навевают образы картин Якоба де Гейна, а их дома – натюрморты Питера Боеля. Лучше провести вечер в клубе «зеленая лампа» или среди людей, как Гордон Комсток. Все же, я предпочту общество мертвых поэтов, неторопливых эпикурейцев.

Люблю я отчаяние мое безмерное,
нам радость в последней капле дана,
И только одно здесь я знаю верное:

Надо всякую чашу пить – до дна.

– Расцветайте, отцветайте, многоцветно, полновластно

Раскрывайте все богатство ваших скрытых, юных сил,

Но в расцвете не забудьте, что и смерть как жизнь прекрасна,

И что царственно величье холодеющих могил.

Услышав эти строки, монах встал и поклонился Эшлеру. Они расстались. Монах смотрел на ночное ясное небо полное звезд, и о чем-то думал. Эшлер же поклонился в ответ, и отправился в свое поместье, где его ждали последние приготовления к Самайну, напевая «Литания Сатане» Бодлера. Как же приятно разделить с кем-то свое одиночество! С кем-то, у кого зоркое сердце! Эшлер замедлил свой скорый шаг, желая насладиться свежестью летней ночи, ее ясностью и теплотой. И демоны блуждают, когда в них есть стремления, среди своих миров, созданных ими самими внутри себя!

Завтра снова придется работать, ведь самое страшное в аду – это повторяемость, эта круговая порука, не вбирающая в себя ничего лишнего, ибо круг – фигура идеальная!

История Эшлера

Часть первая. Проклятые древности

О великом событии, изменившем облик христианского мира, только спустя год узнал Фридрих, и его жизнь нырнула в историческую неотвратимость перемен. Событие, которое он представлял себе иначе, чем оно случилось. Он мечтал принять в нем участие, смотреть, как простой смертный человек уподобляется пророку, несущему благодную весть, воспламеняет сердца и умы людей, предрекая им, спасение от невежества – матери всех пороков. Юноша грезил себя первым, кто прочтет эти краткие доказательства заблуждения человечества. Увы, но случилось это очень далеко от его родного городка.

Роковой удар был нанесен простым священником, но его эхо, подобно залпу тысяч василисков разнеслось по всему миру от стука молотка, прибывающего тезисы, метко сражающего в самое сердце всякого, кто владел грамотой и мечтал изменить мир к лучшему – к Царствию Небесному.

Фридриха сразило разочарование, но вместе с ним в его душу вселилась надежда. Это событие, совершенное отцом Лютером зажгло в его душе пламя, томившееся в нем уже долгие годы. Фридрих чувствовал себя безвольной марионеткой в духе этого события, ставшего для юноши гением, ангелом-хранителем, определившим его дальнейшую жизнь в огромном корабле-мире.

Легко поселяется надежда в пустой желудок. Фридрих зарабатывал деньги, давая частные уроки грамматики и риторики, одновременно помогая пожилому профессору, доктору обоих прав в подготовке занятий, то есть, был у остроума на побегушках. Фридрих был кем-то вроде соискателя, так как денег семьи не хватало, чтобы полноценно оплатить его образование, и поэтому он с профессором заключил пакт взаимопомощи. У профессора была одна снобистская черта: он не переносил на дух богатеньких буржуа.

Летний зной остывал, тьма окутывала мир. Всякий, кто не желал пасть в объятия древних языческих богов, спасался в кабаках и притонах, и вообще всюду, лишь бы горел свет, а тишину разгоняла какофония человекоподобных голосов веселившихся студентов и прочего сброда прожигателей жизни.

Фридрих прятался в библиотеке, штудиря Энхиридион к Лаврентию Блаженного Отца Церкви и «Этику» Аристотеля, создавая материал для речи высокого цicerоновского стиля.

Мысли Фридриха прорвались сквозь магическую стену из слов и предложений, устремившись в мир слияния Единого Бога и пророческой древности, языческой древности могучих героев, чудовищ и титанов. В мире сладострастия и подвига, дух времени, Великий Хронос, шептал Фридриху фантазии соития в вечности, вечного Слова Божьего, которое есть «любовь» и прекрасной Венеры. Вакханалия первых святых, утопающих в объятиях обнаженных нимф и дриад веселой ватагой ворвались посреди созерцательного философствования, захватив дух юноши окончательно. Мысль была наградой вечного Господа невечной плоти: стареющей, красивой, нежной, теплой, стройной и грациозной, словно пушистая спутница приложила дьявольскую лапку к творениям да Винчи.

Неизвестно как долго пробыл Фридрих в забытии среди ушедшей навсегда древности. Увы, но Лета не поглощает в себя все полностью, некоторые явления отзвучат набатным эхом бессмертия.

Сноп золотистых, блестящих лучей неторопливо вошел в библиотеку, расстилаясь роскошным ковром. Мягкое утреннее тепло, нежно пригладив Фридриха по длинным каштановым кудрям, пробудило его ото сна, словно Святой Дух вдохнул в него жизнь, вырвав из языческого мрака царства чудовищ, порождаемых сном разума.

Проходящие мимо товарищи посмеивались над Фридрихом, показывая на него пальцем и сочиняя новую подленькую остроуту, щеголяя которой, они надеются снискать расположе-

ние порядочного общества. К тому же, вместе с ростом городов, университетов и притонов, вырастают в изобилии соревнования по классам школы злословия. Каждый считал своим долгом победить в этом сочинительстве острот и каламбуров ради небольшого душевного отдыха и насмешки над собственной нищенской судьбой человека, выброшенного в большой мир, потрясаемый великими делами, меняющими историю. Среди великих дел копошатся мелкие студенты рядом с маргиналами и попрошайками, которых в Англии давно уже наказывают за леность и праздность. Вся жизнь нуворишей-гуманистов – это веселье и тоска, любовь и страх, свобода, и нищета с одним днем без надежд на завтра.

Фридрих знал, что причина злобы кроется в самоуязвленности, в недостатке ума. Он эпикурейски переносил все обиняки, и иногда воспринимал их с долей сократовской самоиронии. Вступив в мир взрослых людей, не понимая разницы между правилами формальной игры и закулисных интриг, ему пришлось долго осваиваться методом проб и ошибок, приведших его к истине Эпикура: «Живи уединенно!».

К Фридриху подсел его друг Ульрих, швейцарец по происхождению, но влюбленный в Рейх, созданный его кумиром Максимилианом I. Ульрих выглядел как жнец на службе у Смерти: высокий рост, впалые щеки, сухие длинные светлые волосы, морщинистый узкий лоб и почти стеклянные карие глаза, пронзавшие в самую душу. У каждого, кто имел смелости пообщаться с Ульрихом, в первый раз тряслись коленки, а в душе неистово кричало и вопило желание удрать поскорее. Про Ульриха ходила шутка, что он слишком долго сидел подле Люцифера в аду мессера Алигьери. Врачи же поставили Ульриху диагноз: избыток черной желчи, прописав ему такой образ жизни, который он вел всегда. Ульрих мечтал стать философом, доктором обоих прав и великим теологом, как Фома Аквинат, но при этом иногда он мечтал о далеких землях, о подвигах и приключениях, в том числе любовных.

Ульрих и Фридрих долго смотрели друг на друга, потом улыбнулись заговорщически, и Фридрих сказал:

– Сдаюсь, ты выиграл. Жуткий вид, будто смотришь в бездну.

– Хм, не люблю выигрывать, но такова Судьба. – Медленно, прерывистой и тихой речью ответил Ульрих – слышал о Лютере или все еще мечтаешь об Эпикуре?

– Знаешь, тут рядом есть дом главы гильдии Альбрехта Вагнера? Он имеет отношения с ганзейским союзом то ли сам, то ли через посредников.

– Ммм, припоминаю... – протянул Ульрих.

– Так вот у него дочка божественной красоты. Я хочу написать для нее сонет и приложить подарок, но... – возбужденно говорил Фридрих, пока Ульрих его не перебил.

– Но таланта у тебя точно больше, чем денег. Маргарита Вагнер очарует кого угодно, но не думал, что попадешься и ты, кто прекрасно знает идею Платона об эйдосах. Кстати, у меня для тебя есть кое-что.

После этих слов Ульрих вынул небольшой свиток:

– Это трактат «О Сущем и Едином» мессера Джованни пико делла Мирандолы из академии в Кареджи. Трактат о том, как соединяются Платон и Аристотель, бывшие, как ты знаешь, соперниками. Трактат мне переписали друзья из Кареджи.

– Постой, примирить Платона и Аристотеля? Каким образом это возможно? – удивился Фридрих, забыв о любовной тоске.

– Сам посмотри – ответил Ульрих, протягивая свиток – это лучше, чем пасть в лоно геенны огненной, пусть и милой, как Маргарита.

– Влечет меня к ней, вот и все – раздраженно ответил Фридрих. Он знал, что такие разговоры с Ульрихом бесполезны, ему неведома страсть к красоте, жажда обладания этим сокровищем, словно прирученным фениксом.

– Понимаю, но есть предложение интереснее. Приходи на закате в старый квартал, и оттуда доберись до хижины лесника, что стоит вдоль могучего дуба. Постучи и скажи: «Сагре diem».

– Ты не можешь просто напиться у старого Иеронима? Решил придумать развлечение? – улыбнулся Фридрих.

– Нет, вино, и эль меня не пьянят. Приходи, вот и все. Доброго дня и храни тебя Бог – сказал Ульрих и неторопливо ушел бесшумными шагами, будто бы время не властно над ним.

Фридриху пришлось отправляться на занятия голодным, но его больше интересовал свиток Мирандолы. Фридрих знал о Мирандоле весьма жуткие вещи: якобы он практиковал магию и продал душу Дьяволу за тайные знания общения и воскрешения мертвых. Людская молва рассказывала о нем небылицы, а ученые старались держаться от этих гуманистов подальше.

После занятий Фридрих украдкой, словно опасный вор, пришел в свою комнату, и прежде чем войти, осторожно огляделся, опасаясь слежки. За чтение гуманистов можно было лишиться места или даже попасть к инквизиторам, в любом случае, костры возжигались, суды велись и этому не бывает конца. Излишняя осторожность не замечается как чудаковатая странность, если обладатель странности является чудаком, поэтому никто не обратит внимание на подобную предосторожность.

Фридрих сел за письменный стол у окна, чтобы отдаться чтению запретного трактата человека, попавшего под суд за свои идеи. Держать в руках копию плода свободной мысли, устремленной к одной только истине, с лихвой устранило всякое чувство опасности, превращая его в источник мученичества. Рисковать жизнью ради истины – это подвиг, на который способен только человек, знающий, что такое любовь. Чувство опасности только усиливало любопытство, тем более, Фридриха поразило до глубины души, что кто-то сумел примирить Платона и Аристотеля. Ведь, примирив их, можно примирить весь мир под крылом Единой Истины, единого знания, познание единой сути вещей – вот мечта всякого, кто желает власти, даже пусть и власти над собой. В душе Фридриха распалась страсть, вожделеющая этот свиток с письменами, и чем более он размышлял о содержимом и могуществе слов, тем сильнее он желал развернуть его, показать его лучам света Божьего, дабы тот осветил ему мудрость человека.

Комнату постепенно заполнял мягкий золотистый с розоватым оттенком свет. Приближалась колесница Гелиоса, возвещающая о приближении союза Гекаты и Морфея. Розовато-алый плащ расстилался по небу, смешиваясь с небесно-голубым небом и сероватыми облаками, разбросанными по небосводу, словно ангельский шелк, рассыпая окровавленное золото по крышам домов и церквей блистательными лучами. Зной и жар полудня остывал особой свежестью и приветливой лаской, обнимая каждый полный вдох, и легкостью придавал умиротворяющее успокоение и уют.

Фридрих почувствовал теплоту вечера, стряхнул с себя забытие размышления и оглянулся осмотреть комнату, словно был тут впервые и не узнавал привычных вещей. Спустя мгновение, он пришел в себя, но мысль о прочитанном, строгой и властной демоницей, восседала рядом с ним, на окне, закрывая своим телом свет так, чтобы игра теней была увлекательная и завораживающая.

Беспокойно бродил Фридрих по небольшой комнате из угла в угол, словно зверь, предчувствующий опасность. Сомнение присоединилось к демонице, нашептывая ему противоречивые желания, доказывая разумность обоих. Фридриха мучил демон Мирандолы, но не отставало в попытках томительное ощущение таинственности предложения Ульриха. Проклятое знание, проклятый, ненавистный Эпикур, учивший равнодушию к страстям. Сильнейшая скука без страстей, без Амора, без приключений, но на все это нет денег, ни славы и людского мнения, способные поднять из грязи любого сорвиголову с его пороками и обелить до ангело-

подобной белизны. Только демоны, только духи мудрецов зовут вперед, указывая на слепящее солнце. Тишины и луны хотел Фридрих, и он знал, куда ему нужно идти.

Горожане толпились на площади и у дверей церкви, стремясь успеть занять лучшие места на вечерней службе. Бытует мнение, что облатки вкуснее, если получить их первыми. Базилика возвышалась в центре площади, словно нерушимая крепость Воли Господа, проповедующая убранством своим скромность, целомудрие и милосердие любви к ближнему. Стены базилики не раз укрывали от врагов, и порой преступники получали убежище и шанс отмолить свой грех, получив возможность начать праведную жизнь. Ведь одна раскаявшаяся душа лучше, чем тысячи праведных, ибо сойти с тропы греха очень сложно, вступив на нее однажды, не получив своевременной кары. Базилика хранила все тайны и сплетни прихожан вместе со скрипторием и библиотекой мысли Отцов Церкви и ученых мужей, желавших понять и донести всем слово Божие, познавая тайны мироздания. Из-под крыла церкви вышли все без исключения гуманисты, и как странно, что мощные каменные стены равнодушно смотрели на то, как из них выходят маги и еретики, но пути Господни неисповедимы. Остается только уповать на милость его в день Страшного Суда. Базилика для горожан была спасительным ковчегом в юдоли скорби и царствии суеты. Монахи почитали базилику своим домом, землей обетованной посреди грешного и порочного мира, оберегая реликвии и мудрость апостолов от лап невежд. Монахи спасались в базилике от грохочущей дневной суеты, от жаркого знойного полудня и страстей, в игре которых, они, по наивности, не принимали участия. Хотя не все столь набожны, и острое перо сатиры нанесло монахам изрядное количество ран. Стены хранят секреты, стены хранят дух былого и дух Святой. Сюда пришел Фридрих.

Фридрих сел у церковной паперти, рассматривая горожан, проходивших мимо. Чья-то рука мягко легла ему на плечо. Фридрих не сразу отреагировал на этот жест, не сразу почувствовав руку на своем плече, ибо призраки древности еще донимали его беспокойный и уставший ум. Он оглянулся и увидел отца Альбрехта, который решил приглядывать за Фридрихом. Фридрих напоминал ему самого себя в молодости: горячий, но в меру, сообразительный, набожный, скромный и тихий человек. Теперь же отец Альбрехт был одним из редких монахов, кто разделял учение цистерцианцев искренне. Про него сложно сказать что-либо порочащее его сан. К тому же, он уже был в почтенном возрасте, о чем ярко напоминала ему разрастающаяся плешь и остатки волос покрывались пепельной сединой. На лице появились неглубокие морщины, а лоб постоянно нахмурен. При этом в его глазах была странная всепрощающая доброта. Он на все смотрел так, словно ничто его не удивляло, а только радовало, словно все были ему как дети заблудшие. Он почувствовал смятение Фридриха и сказал ему с искренней честностью то, что шептало ему любящее монашеское сердце:

– Доброго тебе вечера, сын мой, я вижу ты в печали. Какие мысли гнетут тебя?

– Порой мне кажется, что Господь оставил нас. Порой, я чувствую себя чужим в этом мире. У меня ничего нет, я почти нищенствую, а другие – обогащаются обманом и хитростью на зависть лисьей и женской породе. Простите, отец Альбрехт, есть еще кое-что, что озадачивает меня сильнее, но сказать этого я вам не могу.

– Блаженны нищие духом, ибо откроются им врата в Царствие Христово. Людей же прости и отпусти им прегрешения их, ведь злобою своей ты несешь вдобавок к своим грехам и чужие. Бери с собой только веру и смело иди с ней. Богатство ты все равно потеряешь, а способ его приобретения грозит ниспровержением души во мрак.

– Но обыватель так любит солнце, что вовек не устанет сочинять ему сонеты и радовать его блестящей роскошью и вычурными одеяниями, щегольски сидящими.

– Суета мирская привлекательна и притягательна, вскружит голову избытком мимолетных чудес, желаемых снова и снова изо дня в день, и все изощреннее должны оные быть. Люди любят солнце не за теплоту его, а за возможность поблестеть на нем. Прости им прегрешения

их, ибо не нам с тобой судить тех, кого Спаситель призывал любить. В mnogой мудрости много печали, ибо умножающий познания, умножает скорби.

– Кто это сказал? Этого нет в Евангелии.

– Не все Евангелие должным образом изучается. Внешняя премудрость, грамота и шапочка свидетельствуют об уме более, нежели корпение над Плотиним и Бозцием. Эти слова из премудростей Соломоновых. Соломон – древний царь земли израилевой, почитавшийся как премудрый из живущих. Говорят, что он приручил демонов числом семьдесят два, и сами ангелы споспешествовали делу сему. Он с Божьей помощью и ангельской подмогой построил первый храм для сынов Израилевых, дабы могли они справлять свои ритуалы во славу Бога. Демонов же запер за семью печатями, но любопытство невежд сильнее всего. Отворили они печати те, и мир канул во мрак смертей, болезней, злобы, проклятий, невежества и алчности.

– Откуда вам это известно? Ни от кого я не слышал ничего подобного. Вы занимаетесь магией?

– Нет, что ты, сын мой, я лишь читаю Писание и ищу премудрости Господа, дабы просвещать ею страждущих. Много книг древних хранятся в разных местах, почитаемые как святыни или томятся забытыми в надежде открыться искателю запретной мудрости. Я верю только в силу Господа, а магия – вещь противоестественная и ни к чему тому, кто блажен в вере своей.

Вот посмотри – отец Альбрехт указал на другую сторону паперти, напротив нас там сидел маленький мальчик с светлыми спутанными волосами, немывыми и грязными. Лицо его, исхудалое и бледное, покрыто болячками и грязью, словно он работал на каменоломне. Мальчик был одет в рубища и лохмотья, не имея обуви. Вид он производил удручающий. Его было очень жалко, и взгляд Фридриха заметил рядом с мальчиком костыли, ставшие орудием, ударившим по его сердцу так сильно, что глаза его невольно задрожали, а сердце сжалось от горечи. Отец Альбрехт продолжал – этот мальчик не просит милостыню. Мы приютили его в базилике, и он прислуживает в скриптории и у алтаря. Он читает проповеди собственного сочинения. Устами младенца глаголет истина. Помнишь, сказано: «будьте как дети, ибо их есть царствие небесное». Мальчик слаб телом, часто болеет, порой плохо спит и питается простой пищей, чтобы не нагружать больной желудок. Дух его силен, ведь, несмотря на его немощи, он ни разу не пожаловался на горькую судьбу. Каждый раз, когда ему тяжело, я предлагал помочь ему, и он не отказывался, но говорил так: «Спасибо отец Альбрехт, но Господь не ниспошлет мне того, с чем бы я не справился». Мальчик никогда не забудет похвалить мироздание за красивые облака, за теплое солнце, прекрасный день жизни, за красивые разноцветные ковры цветов и мириады одежд благородных матрон. Детский глаз радуется всему, везде видит красоту и премудрость Божью. Я немного завидую ему и злюсь на тех, кто при здоровом аппетите, здоровом взоре, поступи и разуме тратит свою жизнь на приобретение, на роскошь, на обжорство, а в красивой деде видит лишь угоду своему вожделению. Хотел бы свое здоровье отдать этому мальчику, ибо в его годы я таким не был. Мое детство, безвозвратно ушедшее, я отмаливаю сейчас, а он уже сейчас молится за врагов и обидчиков не только своих, но и чужих. Знаешь, его однажды чуть не выпорол минорит, прибывший к нам погостить. Он направлялся в Капую. Этот минорит услышал, как мальчик вечером молил Господа простить альбигойцев и сарацин. Мальчика мы спасли всей братией. Эх... У него помыслы и сила духа Бернарда Клервосского.

Когда ты, сын мой, сочтешь, будто силы твои на исходе, вспоминай этого мальчика. Мы дали ему имя Бенедикт. Вставай, скоро начнется служба, а потом я хотел бы снова с тобой поговорить. Мне думается, что я смогу найти тебе занятие полезное и по душе.

В атриуме Фридриха окутал приятный запах легкого воздуха, не отягченного иллюзиями тщеславной прелести ароматов косметики и суеты ремесел. В воздухе витали только призраки благовоний и ладана, смешиваясь с запахами, приносимыми с собой прихожанами, желающими очиститься от всего мирского или уменьшить тяжесть греховной ноши.

– Сквозь Страшный суд, на корабле, ведомые пастырем войдем, в Царствие Небесное, и команда пастыря – добродетели и знания – слабоватым и мягким голосом, произнес некто за его спиной. Фридрих ничего не ответил и глубоко задумался над этими словами.

Люди заполняли наос, занимая места поудобнее и поближе к алтарю, надеясь, что тем самым они покажут рвение в спасении души. Сплетни, анекдоты, шуточки растворялись в воздухе, вытесняя благочестивую скромную тишину смирения на гул и хаос голосов, превращая место молитвы в рыночную площадь. Люди не умеют оставлять дела свои за воротами храма, где обитает Дух Святой. Страшно покидать земные пределы без гарантий уверенности, без скрепленного печатью договора, без слова чести благородного человека, но святые мужи оказались там, и многим тоже хочется попасть в место вечного блаженства, но это чудовищно тяжело. Прихожане обращают внимание на место, где сидят: они хотят видеть все лучше остальных. Они толкаются, ссорятся ради очереди или неаккуратного толчка. Хохочут над сплетнями о куртуазном подвиге молодого щеголя, и с зазнайством, предрекая ему то фиаско, то высшую награду Амора, что превращает разговор в яблоко раздора. Ожидание мессы выглядело, будто ждут представления шарлатанов и циркачей во время ярмарок. Чудеса тела равны чудесам духа только в показной зрелищности.

Простор зала храма сужался, становясь тесной комнатой, от чего Фридрих ощущал себя неуютно, и душу, костлявой холодной рукой подкрадывалось к его горлу. Воздух становился затхлым, безжизненным, противным по аромату, наполняясь нотками ротовой гнили, испарений вина, косметики, навоза. Голоса, запахи, яркий свет закатного солнца, омывавшего кровью сцены страшного суда и пороков, наводили на Фридриха головокружение и печаль Гераклита, от которой он не знал спасения, кроме церкви и Эпикура. Только церковь дарила ему красоту света, прелесть красот мира, игру теней в лучах трех солнц; только Эпикур подарил атараксию для созерцания величия прекрасного творения Господа.

Ангельское пение органа заставило всех в благочестивом трепете замолчать. Храм ожил. Казалось, что сейчас с внешних барельефов сойдут цари Израилевы, явится Соломон и Екклесиаст вместе с Моисеем и Давидом. С другой стороны снизойдут семь прекрасных свободных покровительниц добродетелей истинного христианина, святые ученые мужи и отцы церкви. Призванное святое воинство направит корабль сквозь бездны адских зол в мир, где Господь примет нас, как отец принял блудного сына. Вторил божественному органу хор из мальчиков и подростков, прекрасных маленьких херувимчиков, чей незамутненный взор способен видеть благодать во всем существующем. Не зря сказал Спаситель: «будьте как дети, ибо их есть Царствие Небесное».

Месса заканчивается проповедью, для чтения которой на трибуну поднялся отец Альбрехт. Осмотрев паству равнодушным и спокойным взором, осенив ее крестным знаменем, он начал говорить:

– В день сей возблагодарим Бога за благо, снизошедшее на нас по Его воле, за день жизни, за счастье близких и любовь в семьях и сердцах ближних. За все дары, Господи, мы воздаем хвалу тебе, ибо сотворил ты мир и людей, а за грех наш послал Сына своего, дабы искупить все прегрешения наши и дать нам Слово Свое, чтимое нами по сей день и во веки веков. Аминь.

Царствие Антихриста грядет, ибо сказано у Иоанна в Евангелии: «многие обольстители вошли в мир, не исповедующие Иисуса Христа, пришедшего во плоти: такой человек есть обольститель и антихрист», а далее, по разумению Господа, вторит Иоанну и апостол Матфей, говоря так: «берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре, а сами суть волки хищные.... И плодам деяний узнаете их.... Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, дабы прельстить, если возможно, и избранных». Церкви, крещенной самими апостолами Петром и Павлом угрожают нелепые и еретические домыслы внутри самой Церкви. Папа дал приют и просвещение верным слугам, которые возгордаясь, низвергнули свои души во мрак. О Ком я говорю? Я говорю о пастыре Лютере, коего

одержал в себе тот, чье имя не говорится никогда. Он обуял, верного некогда сына истинной Церкви, сладкими речами, пообещав ему власть и богатство, растлил душу его, стал наущать его говорить свои постыдные речи, обвиняя Церковь в неправедности. Наша братия ежедневно молится за Мартина Лютера, и просит Господа вразумить его, наставив на путь спасения, ибо сказано у апостола Луки: «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии».

Как Лютер забыл во грехе гордыни, ослепленный сладкими посулами уст лукавых, и совершая ныне грех равный греху первого ангела Господа, так и нам надлежит помнить Слово Божие, помнить участь и силу Лукавого, способного совратить всякого, а потому сказано в евангелии от Матфея: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и распостранен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их». Обратимся же к Писанию, вспомним, что говорил нам Господь, что завещал нам устами пророков. Так в притчах Соломоновых сказано: «Сын мудрый радуется отцу, а сын глупый – огорчение для его матери. Не доставляют пользы сокровища неправедные, правда же избавляет от смерти». И далее говорится там же: «Память праведника пребудет благословенна, а имя нечестивых омерзет. Мудрый сердцем принимает заповеди, а глупый устами преткнется. Кто ходит в непорочности, тот ходит безопасно, а кто превращает пути свои, тот будет наказан». Многознание не научает уму, а только вера способна дать человеку Истину, ибо сказано у мудрого Экклезиаста: «Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все-таки не постигнет этого, и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть». Господь всякому отмеряет то, чего оный заслуживает, ибо сказал Сын Божий в Евангелии от Марка: «И посылают к Нему некоторых из фарисеев и иродиан, чтобы уловить Его в слове. Они же, придя, говорят Ему: Учитель! Мы знаем, что Ты справедлив и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо, но истинно пути Божию учишь. Позволительно ли давать подать кесарю или нет? Давать ли нам или не давать? Но Он, зная их лицемерие, сказал им: что искушаете Меня? принесите Мне динарий, чтобы Мне видеть его. Они принесли. Тогда говорит им: чье это изображение и надпись? Они сказали Ему: кесарева. Иисус сказал им в ответ: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. И дивились Ему». Забываем мы великую и бесконечную Мудрость Божию, кто благами своими неистощим и любовью своею вечен и непреходящ. Установил Господь, что всякое стремление есть лишь доброта и любовь, но всякая добродетель, имеющая тысячекратное воздаяние здесь и на небесах. Забывают многие этот закон Божий, и потому ждет кара их здесь и на суде Божиим. Нет у человека власти ни над чем, кроме своей добродетели, ведущей к спасению души, ибо сказано у Экклезиаста: «Не во власти человека и то благо, чтобы есть и пить и услаждать душу свою от труда своего. Я увидел, что и это – от руки Божией, потому что кто может есть и кто может наслаждаться без Него? Ибо человеку, который добр пред лицом Его, Он дает мудрость и знание и радость, а грешнику дает заботу собирать и копить, чтобы отдать доброму пред лицом Божиим». Нет нужды говорить мне своими словами, ибо они – ничто перед речами пророков и апостолов, передавших нам заветы древние, дарованные самим Господом через верных рабов Его. И последнее говорю вам, соблюдайте заповеди, чтите истинную Церковь, заботьтесь о спасении здесь и сейчас, ибо на Страшном Суде никому не будет пощады. Сказано в притчах Соломоновых: «Итак, дети, послушайте меня; и блаженны те, которые хранят пути мои! Послушайте наставления и будьте мудры, и не отступайте. Блажен человек, который слушает меня, бодрствуя каждый день у ворот моих и стоя на страже у дверей моих! Потому что, кто нашел меня, тот нашел жизнь, и получит благодать от Господа, а согрешающий против меня наносит вред душе своей: все ненавидящие меня любят смерть».

Отец Альбрехт читал очень эмоционально, проникновенно, стараясь донести Слово Божие до каждого прихожанина. Он жестикулировал руками, обращая взор свой то на Запад,

то на Восток, то пронзительно смотрел в глаза каждому мирянину, словно искал нотки сочувствия, нотки понимания. Глаза его горели праведным пламенем человека увлеченного, посвятившего жизнь служению Господу, умирив плоть, являясь примером для остальных. Отца Альбрехта слушали с необыкновенным упоением. Казалось, он сумел тронуть душу каждого. Публика реагировала на каждый его жест, ловила каждое его слово, ожидая, что он сможет спасти их, что он говорит и учит чему-то настолько важному, что невозможно не отдать жизнь за великое и праведное дело. В этот миг люди почувствовали, что все их заботы не имеют значения, ведь древние мудрецы, обретшие Царствие Небесное учили смирению и милосердию. Приумножение благ земных казалось им тщетой, временным благом, которое сгорало в очистительном огне взора Отца Альбрехта.

Месса закончилась, и все суетное, грязное, ничтожное, что витало в воздухе, теперь рассеявшись благостной музыкой, было сожжено и развеяно пламенной проповедью отца Альбрехта. Удивительные вещи происходят там, где обитает Святой Дух, ибо все страсти он обращает в покой, словно по волшебству всякий вошедший во гнев умирался, вошедший с вожделием, забывал о нем, обращая свой взор к мозаикам и статуям, донимая расспросами священников. Все смертные грехи умирали или сбегали из храмов сразу, как только начинались мессы и читались молитвы. Люди покидали базилику с иными помыслами и чувствами. Казалось, они делали первый шаг, но снаружи их ждал мир, окутанный тьмой, где правила луна с легионом звезд. Облегченные мессой, люди побрели по домам, обсуждая проповедь, возвращаясь к своим делам и заботам. Среди толпы Фридрих заметил ангельской красоты создание, сопровождаемое отцом. Желанное сокровище, способное развязать войну между королями, ступало своей легкой поступью по ступеням базилики. От легкого вечернего ветра ее нежные, пленяющие своим кокетливым, заигрывающим с лунным светом и светом факелов, волосы едва развевались, ибо раскрыться в полноте своей красоты они не могли, будучи спрятаны богато расшитой, тонкой золотой нитью с шелковой каймой накидкой небесно-голубого цвета. Стан сокрыт от завистливого взора Венеры скромным зеленым платьем. На Маргарите не было никаких украшений, кроме фамильного кулона с инкрустированным редким небольшим гранатом. Фридрих видел в ней не дочь торговца, но благочестивую девушку, одетую в одеяния целомудрия и скромности. Как же верно замечали древние, что глаза без веры не увидят ничего. Фридрих не спеша спускался следом, стараясь уловить каждое ее движение в ночном серебристом мраке, старался запечатлеть в памяти ее прекрасный, ускользающий в игре теней и пляске звезд, милый и светлый лик.

Фридрих остановился у последней ступени, прощаясь с удалявшейся возлюбленной, вспомнив о разговоре с отцом Альбрехтом. Он застал отца Альбрехта в скриптории за чтением псалмов:

– Простите меня, отец Альбрехт, я чуть не забыл о нашем разговоре – виноватым, низким голосом сказал Фридрих.

– Да? – отвлекаясь от чтения, ответил ему отец Альбрехт. – Прости, ты, меня, сын мой, я и вовсе забыл об этом. Очень увлекся проповедью и задумался, как проповедовал Мейстер Экхарт, дескать, если после проповеди ты пойдешь заниматься обычными делами, то ты не понял сути сказанного. Вот я решил, что мирское подождет, а понимание Священных текстов ждать не будет. Однако, ты пришел, у меня к тебе есть предложение работать в скриптории. Я дам тебе письменное разрешение и свое ходатайство, чтобы ты имел доступ к библиотеке базилики. Она не богатая, но очень полезная. Вдобавок, я могу найти тебе книги, какие только пожелаешь. У меня много друзей. Что скажешь, сын мой?

– Вы просто так даете мне такую возможность? Мне нечем зарабатывать себе на пропитание, а скоро платить за жилье. Ваше предложение замечательно, но я хочу услышать, что лежит на другой чаше весов.

– Это не сделка, Фридрих, это благодеяние. Мне бы хотелось иметь при себе человека талантливого, эрудированного, устремленного к знаниям. Да, тебе придется прислуживать в базилике или сопровождать меня в паломничестве. Однако, у тебя есть возможность посвятить себя Церкви. Твой университет ничего тебе не даст, ибо там скорее ты все отдашь. – Ответил отец Альбрехт, но видя смущение Фридриха, добавил: – Дам тебе два дня на размышления, и не затягивай с решением.

– Хорошо, спасибо, что дали мне время все обдумать. До свидания, отец Альбрехт, доброй вам ночи и благослови вас Господь, – с поклоном ответил Фридрих, пребывая в растерянности.

– Доброй ночи, сын мой, храни тебя Господь, – ответил отец Альбрехт, осенив Фридриха напутственным знамением и улыбкой мудрого и снисходительного отца.

Фридрих не заметил, как добрался до своей комнаты, и еще долго предложение отца Альбрехта не давало ему уснуть. Спустя пару часов, сон набрался сил и изгнал все мысли, возведя на престол разума мир грез и сновидений.

Стук в дверь разбудил Фридриха. На пороге стоял Ульрих:

– Доброго утра, можно войти?

Фридрих не сразу ему ответил пригласительным жестом.

– Почему ты не пришел на симпозион?

– Не захотел, – лениво и уклончиво ответил Фридрих.

– Как это, не захотел? Ты же любишь Эпикура. Где ты был вчера? – с небольшим удивлением спросил Ульрих.

– Я был на мессе у отца Альбрехта. Он предложил мне свое покровительство, но мне нужно бросить университет.

– Ты принял его предложение?

– Приму, о нем сообщу ему сегодня.

– Так, а почему ты решил пойти на мессу? Не говори, что из-за Маргариты.

– Нет. Меня будто на части разрывает, словно я совершаю грех. Эпикур не признавал богов, а я признаю Бога, и не знаю, как можно жить в безбожии – с трудом Фридрих произнес свои слова, обнажая другу свое сердце, даря ему болезненные цветы своих раздумий.

– Эпикур не признавал вмешательство богов в дела смертных. Сам посуди, если совершенное есть то, что лишено всякого внешнего желания, являя себя как автономное существо, то зачем ему вмешиваться в дела смертных? Неужели совершенное божество станет участвовать в жизни несовершенных существ, ведь тогда получится, что божество в чем-то нуждается, но я тебе говорю, как и Платон, совершенное не нуждается, ни в чем.

– Звучит разумно и приятно, но как, же чудеса? Как же явления божества апостолам, как же вдохновение и озарение Духом Святым? – спросил растерянный Фридрих.

– Эпикур был язычником, откуда ему знать о Духе Святом? Я бы предположил, что Бог не вмешивается напрямую, но своими чудесами дает направление, будто путеводная звезда в ночном небе, освещающая путь к праведной жизни. В общем, я зашел ненадолго. Эпикурейцы собираются послезавтра на том же самом месте. Приходи, я тебе настоятельно рекомендую. Храни тебя Бог, друг мой.

– Всего тебе доброго, и Бог в помощь, – ответил Фридрих, оставленный другом в раздумьях.

Днем Фридрих сообщил профессору, что уходит из университета, принимая предложение отца Альбрехта. Профессор не сильно разочаровался, точнее, ему было все равно. Студенты, желавшие стать его клиентами строились в очередь. Целая очередь пресмыкающихся и раболепствующих льстецов из богатеньких семей была на службе у почтенного старца. Искали они знания или авторитета учебного заведения, это не имело существенного значения, для многих главное устроиться в приличный цех или гильдию, а может пригодиться ко двору

мецената или иного сильного мира сего, которому можно составлять личный астрологический календарь, сочинять оды и памфлеты. Каждый использовал свои таланты, как умел и как хотел, но главное, что за эти таланты платили всегда пфеннигами.

Прогуливаясь по тесным улочкам города, Фридрих рассматривал дома и лица людей: угрюмых поденщиков, утомленных тяжким и почти бесплатным трудом, тучных и важных ремесленников, аккуратно наряженных с цепями и украшениями, говорившими о принадлежности к почтенному сословию и гильдии или цеху. Фридриху на глаза попадались и мелкие воришки из приютов или окрестных деревень, за которыми следила городская стража, готовая закрыть глаза и покарать всякого, кто нарушает закон. Закон чаще всего нарушили представители бедноты, ибо они были лишены благодати Божьей, и поэтому их надо направлять тяжким трудом и страхом перед алебардой стражника. Особой категорией щеголей были ростовщики, которых ставили в один ряд с евреями. Часть ростовщиков была евреями, но этот способ обогащения понравился нуворишам из дворянства и почтенным древним рыцарским династиям. Все видели, как продаются и покупаются гербы и титулы, а с ними и должности. Особое удовольствие Фридриху доставляло рассматривание украшений, блиставших на солнечном свете, словно обладатель нес свет в себе. Пестрые костюма и платья горожан радовали глаз игрой цветовой палитры и прелестью украшений. Каждый стремился быть красивым, и многим это удавалось. Люди вносили краски и чувства в белые дома, разносили благовония, разгоняя запах продуктов и товаров. На рыночной площади немногим продавали диковинные специи, привезенные из крупных городов, получившие их, в свою очередь, из самой Индии или Турции. Так или иначе, пока есть спрос, будет и предложение, особенно, подчеркивающее элитарный статус покупателя, его избранность.

Отца Альбрехта не было в базилике. Идти Фридриху было некуда, поэтому он сел на скамью и стал ждать, рассматривая игру дневного света с тенями, погружившись в размышления о вечной борьбе добра и зла. «Множество лучей имеет свет, но тьме доступно не меньше коварных хитростей, ведь свет добродетели не светит там, где правит мрак. Однако, стоит свету разогнать все тени, как нисходит мука от жара и слепоты. Тень и свет должны дополнять друг друга, обеспечивая изменения в мире, но тогда получится, что должно быть нечто вечное, которое выше добра и зла. Бог создал свет и сам является светом, но откуда взялась тогда тень, если все совершается по Воле Бога? Быть может, Бог создал и тень? – так думал Фридрих, и постепенно печаль ласково обнимала его сердце, засыпая меланхолическим сном в его чувствующей душе». Кто-то мягко дотронулся до его плеча. Фридрих вздрогнул и резко обернулся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.